

Мат — большая игра,
а кто считает — тот проиграл,
а кто — добавоч,
рассчит лишь
океан или Бог —

петр катериничев

— ПЕТР КАТЕРИНЧЕВ —

**иллюзия
отражения**

ЦЕНТРОДИАГРАФ

Петр Владимирович Катериничев

Иллюзия отражения

Серия «Дрон», книга 5

Текст предоставлен автором

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=326012

*Катериничев П.В. Иллюзия отражения: Роман: Центрполиграф; М.,
2007*

ISBN 978-5-9524-3234-5

Аннотация

Догадывался ли бывший аналитик разведки Олег Дронов, когда бросился к девушке на шоссе, что, повинаясь главному закону настоящего мужчины спасти и защищать, он лишь попадает в заранее приготовленную для него западню? Идет большая игра, и кто станет охотником, а кто добычей, решит лишь случай или Бог.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	15
Глава 2	20
Глава 3	26
Глава 4	30
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	45
Глава 8	51
Глава 9	56
Глава 10	62
Глава 11	68
Глава 12	75
Глава 13	81
Глава 14	85
Глава 15	90
Глава 16	95
Глава 17	101
Глава 18	107
Глава 19	112
Глава 20	118
Глава 21	123
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Петр Катериничев

Иллюзия отражения

(Дрон-5)

Пролог

Москва, Старая площадь

– Это и есть Дрон? – Человек в дорогом костюме, сшитом у портного, каких всего-то в стране было меньше полудюжины, положил фото Олега Дронова на матовую поверхность стола.

– Да. Его еще называют Додо, – ответил ему моложавый мужчина в форме контрадмирала. Просветы на его погонах были голубыми, как у офицера военно-воздушных сил.

– Странный псевдоним, – произнес хозяин кабинета.

– Редкая птица.

– В смысле?

– В прямом.

– Он служил в вашем ведомстве?

– Работал. Это было еще при Союзе.

– Не лукавьте, адмирал. Мне подготовили подробное до-

сье. Этот малый оказывался всегда в то самое время в том самом месте, где происходило *нечто*.

– К нам это не имеет никакого отношения.

– Вы хотите, чтобы я в это поверил?

Адмирал пожал плечами:

– Верить можно только в Бога. Все остальное...

– Да вы философ. Хотя при такой работе... Когда все знаешь и ничего никому не можешь сказать... Вы не устали от тайн, адмирал?

– Никаких тайн. Просто мы ничего не комментируем. Это мировая практика. Или, если угодно, этика.

– У людей вашего ведомства есть этика? – насмешливо спросил хозяин кабинета.

– Есть.

– Бросьте, Евгений Петрович. Этика кончается на уровне капитанов. Ну, может быть, полковников. Это высшее звание для людей вашей профессии, занятых непосредственно делом, а не интригами. На уровне генералов она отсутствует. Знаете, почему? Чтобы стать генералом, мало громить врагов. Нужно еще и уметь сдавать своих. А мы ведь с вами генералы... по положению, нет?

Адмирал промолчал.

– Кстати, кто этот Дронов по званию?

– У него нет звания.

– Даже так?

– Он никогда и нигде не служил.

– А если покопаться?

– Ваши порученцы копались. Что-то нашли?

– Лет семь назад ходили какие-то слухи... – продолжил хозяин кабинета.

– Слухи – вещь упорная. Куда более упорная, чем факты. Надо же и людям власти чем-то тешить свое воображение.

– Вы произнесли «люди власти» так, словно хотели сказать «чернь».

– Каждый слышит то, что хочет услышать.

– Я хочу внятного объяснения: почему вы рекомендовали Дронова?

– Вы сказали, что предстоит выполнить неординарную задачу. Дронов способен решать именно такие.

– Но в детали мы его посвящать не будем.

– Пока вы и меня ни во что не посвятили, господин Ведерин.

– Мне привычнее обращение «товарищ». А еще лучше – Сергей Анатольевич. А знаете, чего я никак в толк не возьму, Евгений Петрович? Как вы вообще стали генералом... при таком характере.

– Я адмирал.

– Бросьте, Вересов. Вас, поди, и на ялике укачивает.

– Бывает.

– Так как же? «Мохнатых лап» за вами не водится, именитых предков – тоже, с сильными мира сего вы водочку не потребляете...

– Я работник хороший.

Ведерин откинулся на спинку кресла и искренне рассмеялся:

– Забавно. Чем лучше работник, тем хуже характер. Так, кажется, говорят американцы.

– Не слышал. Да и Россия – не Америка.

– Приятно, что вы это осознаете, Евгений Петрович. Здесь принято выполнять приказы.

– Так точно.

– Я вам скажу, почему вы мне сливаете этого Дронова...

– Слушаю вас внимательно.

– Он плохо управляет. А вы ведь управленец, адмирал.

Если начнутся какие-то заморочки – вы в стороне, нет?

– С Дроновым заморочки невозможны.

– Вот как?

– Только морок. Непроглядный, как тьма.

– Ну да. Вы еще и ироничны. Эдакое интеллигентское умничанье... Смешно стараться быть независимым – вы же взрослый человек, Евгений Петрович. Все мы зависим друг от друга... если хотим быть «на плаву». Так все-таки, почему вы нам рекомендуете Дронова?

– Я уже объяснил.

– Это – единственная причина?

– Нет. Вы назвали место: Саратона. Дронов сейчас именно там. Его не нужно специально вводить.

– Что он там делает?

– Живет.

– Просто живет?

– Просто живет.

– Разве сейчас хоть кто-то может позволить себе роскошь жить просто?..

– Завидуете, Сергей Анатольевич?

– Ничуть. Простота – хуже воровства. Человечек скрывается в вымышленном мире, а жизнь... Она этого не прощает. Никому.

– Мир Дронова не вымышленный. Он просто другой. Отличный от нашего с вами.

– Вот это и раздражает. Вас нет, адмирал? Так что он там делает, на Саратоне? Проживает украденные миллионы?

– Работает.

– Кем?

– Спасателем. На пляже.

– Что, многие тонут?

– Спасатели всегда нужны. На случай.

– Признайтесь, адмирал, а не ввели ли вы вашего Дронова... Не хотелось бы никаких, как принято теперь выражаться, непоняток. Особенно между нашими... структурами.

– Никакого отношения мы к Дронову не имеем, как и он к нам.

– Он что, деньги там зарабатывает?

– Ему всегда нравились солнце и море. И не нравилась карьера.

– Может быть, он еще и хиппи?

– Нет. Просто человек.

– И все-таки – простой человек?..

– Простых людей нет. Есть – люди, а есть...

– Бросьте. Всех нас к жизни привязывают не столько чувства, сколько обязательства, установления и ритуалы. Куклы на ниточках, вот кто такие люди.

– И мы тоже?

– Мы тоже. Надеюсь, хоть с этим вы согласитесь?

– Отчасти.

– И на том спасибо. Ну а теперь – к существу дела. Не буду говорить вам, Евгений Петрович, об особой деликатности данной операции. Дело касается детей таких лиц, – хозяин кабинета возвел глаза к потолку, – что... Ну вы понимаете.

– Понимаю.

– Тогда – суть вопроса. Не секрет, что чада многих наших высших сановников обучаются да и живут давно не в России. С одной стороны, это правильно: они сызмала знакомятся с отпрысками влиятельнейших мировых финансовых и политических кланов. В условиях экономической и политической глобализации это важно. И не вздыхайте так печально, адмирал: я знаю не хуже вас: наши «вероятные друзья» тем самым рекрутируют себе будущих «агентов влияния» довольно высокого уровня: люди, привыкшие к ценностям западной цивилизации, не захотят от них отказываться. Те, кто вырос там, никогда не будут чувствовать себя дома

здесь. Но... Согласитесь, так было всегда: наследники дворянских гербов и в России восемнадцатого или девятнадцатого века росли в своих имениях, как в резервациях, приучиваясь смотреть на окружающих их крестьян вовсе не как на людей, а как на средство достижения политических целей государства. Или – своих личных целей. Не так?

– У российского дворянства был потомственный идеал служения Отечеству.

– У кого-то был, у кого-то – нет. По-разному складывалось. Как и теперь.

– Пожалуй.

– Но хватит философических и исторических экскурсов. Что было, то прошло. Нас сейчас беспокоит совершенно конкретная ситуация.

– Слушаю вас.

– Саратона сделалась не просто популярным дорогим летним курортом. Там дети элиты могут пообщаться между собой, что называется, совершенно свободно, без церемоний. Ввиду этого Саратона стала зоной нейтралитета для всех и любых преступных кланов или разведок. Не мне вам рассказывать, что мировая элита живет по своим законам, и законы эти нарушать кому бы то ни было из «низов», будь то мафии, спецслужбы или шайки «борцов за идеалы», возбраняется категорически: мир слишком тесен, чтобы в нем можно было безнаказанно исчезнуть, если тебя решили найти. Найти и наказать. Полагаю, вам это знакомо.

– Да.

– Я уже не говорю о финансовой зависимости всех вышеперечисленных структур от сильных мира... Так вот, в последнее время среди «бриллиантовой молодежи» появилось новое увлечение: «чако». Слышали?

– Нет. Не моя специализация.

– Это синтетический наркотик. Вводится не шприцем – таблетка. Привыкание, по-видимому, с первого приема. Но зависимость не жесткая, как у героина, скорее психологическая. – Хозяин кабинета помолчал, продолжил: – Наши специалисты расшифровали химическую формулу, но – развели руками. Как и у большинства наркотиков, механизм воздействия данного препарата на организм в целом и человеческую психику не выяснен. Но... Месяц назад сын главы правительства небольшой страны в Южной Европе покончил жизнь самоубийством. У нас есть основания полагать, что до этого его отцу было сделано предложение об определенном действии или бездействии в чьих-то интересах. Политик давлению не поддался, в результате – спланированный несчастный случай. Чуть ранее прошла серия подобных инцидентов с детьми весьма высокопоставленных госслужащих в среднеазиатских республиках. Мы предполагаем, что и среднеазиатские инциденты, и южноевропейский – звенья одной цепи. Более того, демонстрация силы со стороны определенной группы людей.

Эту группу мы не знаем. Ни ее целей, ни ее задач, ни ее

структуры. А проблемы – уже появились. Как водится, наши «вероятные друзья» заподозрили нас. Мы – их. Все вместе – китайцев: уж очень препарат необычный. Вернее... Препарат-то, может, и обычный, как детский гематоген, а вот последствия... Встретились на нейтрале. Договорились считать, что сие – происки международного терроризма.

– Очень действенная методика решения проблемы.

– Не ерничайте, адмирал. Вы же поняли уровень угрозы.

– Да. Чадо любого из высокопоставленных людей после приема препарата становится как бы миной замедленного действия. Под угрозой уничтожения ребенка – покончил с собой, кого это взволнует, кроме близких, – отцов можно принудить к принятию тех или иных решений.

– Это не просто – отцы... Это – Большие Родители. И в политике, и в бизнесе. Элита.

– Я понимаю. Не исключено, что проводилось или проводится и кодирование на суицид – под воздействием препарата или под его прикрытием.

– Ничего не исключено.

– Известно что-то конкретное?

– Нет. Я же сказал: Саратона – неприкосновенная территория.

– Но кого-то это не испугало.

– В некоторых людях совсем нет уважения.

– Почему бы Большим Папам просто не забрать чад оттуда?

– Во-первых, где гарантия, что эта зараза не распространилась уже на Итон, Оксфорд, Кембридж, Сорбонну? Ну а во-вторых... Во-вторых, Самых Больших пока не информировали. Объяснить, почему?

– Нет. Никто не может дать гарантии, что их дети у ж е не подверглись воздействию «чако». А противоядие, как я понимаю, неизвестно.

– Именно. Так что задача ясна: найти группу, вычислить интересы, найти противоядие наркотику.

– Если оно есть.

– И еще. Нужно постараться... очень-очень постараться, чтобы тайной препарата раньше нас не завладели наши «вероятные друзья».

– Полагаю, в Штатах кто-то проходит сейчас подобный инструктаж.

– И в Штатах, и в Китае, и в Германии, и в Турции, и в Израиле, и бог знает где еще. Слишком велик соблазн и... подозрительность. Когда-то это именовали бдительностью.

– Дружественных разведок не бывает.

– Притом ни одна из сторон не будет действовать в Саратоне открыто. Как и информировать своих политиков о происходящем до окончания «тихой охоты». – Ведерин помолчал, добавил с кривой ухмылкой: – Государи не жалуют гонцов, приносящих дурные вести. – Он покрутил в руках дорожную перьевую ручку, вздохнул. – Надеюсь, адмирал, вам понятен уровень сложности и, если угодно, ответственности.

– Так точно.

– Вот и хорошо. Никто из людей, введенных в операцию, не будет знать ее конечных целей. Наши разработчики подготовили хороший план. Сейчас вы с ним ознакомитесь.

– Роль Дронова?

– Вы же уже догадались, адмирал.

– Возможно.

– Мы спровоцируем ситуацию, в которой... Ну да лучше все-таки прочтите.

Хозяин кабинета пододвинул адмиралу папку. Тот раскрыл. По мере ознакомления с документами лицо его становилось все мрачнее. Закончил, поднял взгляд на Ведерина.

– Вам что-то неясно, адмирал Вересов?

– Напротив. Мне ясно все.

– Вот и славно. Ситуация такова, что... Вы же знаете, есть такое понятие: «допустимые потери». А войны без убитых не бывает. Таков мир.

Глава 1

Саратона, Атлантика

Так уж случается в жизни, что все мы снова и снова, как в ранней юности, оказываемся в начале пути. У подножия. И заснеженная вершина Килиманджаро все так же сияет недосягаемым покоем, и то, что ты был на этой вершине или рядом, совсем рядом, теперь вспоминается сном, видением, миражом...

И нужно все начинать сызнова. И даже прошлое твое кажется мнимым, несущественным, и даже когда ты возвращаешься в знакомые, но давно оставленные тобою места, то так и не можешь поверить, что все, что происходило здесь когда-то, было для тебя единственным, неповторимым, важным. Было когда-то твоею жизнью. И тогда понимаешь, что со временем и сам ты изменился уже настолько, что не можешь вернуться к себе – прежнему... Хотя... В глубине души ты так и остался прежним: веселым и застенчивым мальчуганом, принимающим эту жизнь на веру – так, как только ее и надо принимать.

И лишь затаенная горечь в глубине сердца напоминает о том, что за спиною – черед потерь, предательств, разочаро-

ваний... И ты запрокидываешь голову и смотришь на звезды. И понимаешь, что и это пройдет.

Я включил мотор, и катер, взметнув бурун, ходко пошел к берегу. Время к полуночи. Время любви, неги, ночных увеселений, расчетливых беспутств, безотчетных признаний...

На мостках ждал Фред Вернер. Его дежурство – от полуночи до шести утра.

– Дрон, ты как соленой воды наглотался.

– Да?

– Снулый какой-то. Унылый.

– Бывает.

– Или – старый стал.

– Уже нет. Человек стареет, когда ему исполняется тридцать. А потом – только взрослеет.

– Разве?

– Приходят новые молодые. Им нравится другая музыка, они носят другие шмотки, у них другие кумиры по мелочам и другие идеалы по существу. В тридцать это еще раздражает.

– Потом нет?

– Нет. Тридцатилетними стали другие. Теперь – их черед раздражаться. А к нам приходит покой. Мы-то знаем, что все так и будет.

– «И нет ничего нового под солнцем...»

– Как и под луной.

– Под луной прохладнее. День был жаркий. В вечерний

заплыв пойдешь?

– Сегодня нет. Устал.

– И правильно. Бетти приготовила великолепных рапанов в белом вине. И вообще – ребята хорошо сидят. Жаль было уходить.

– Работа.

– Скорее это пенсия. С легким трудовым подъемом.

– Мне нравится. Много солнышка.

– Иногда слишком.

– Солнца никогда не слишком.

– Это ты не бывал в Намибе, Дрон.

– Намиб?

– Пустыня в Юго-Западной Африке.

– А-а-а.

– Бывал?

– Нет.

– Там все – слишком. Днем – слишком много солнца. Ночью – слишком много инея.

– Что нибелунгам – иней? Божья роса.

– Когда как. – За разговором Фред долил полный бак, вздохнул. – Не люблю дежурить ночью.

– Что так?

– Мыслей много.

– Про жизнь? Или?..

– И про жизнь тоже.

– Брось. Мы – живы.

– То-то и оно.

– В нас нет зависти.

– Не лукавь, Дрон. Есть.

– Чему завидовать?

– Юности.

– Эта новая юность – чужая. Я в ней ничего не понимаю,

Фред.

– Может, ты и прав. Мы-то уже знаем, что жизнь сложится совсем не так... Мечтаешь быть воздушным шаром, и подняться на недостижимые высоты, в стратосферу, к звездам, и свершить не просто невозможное – немыслимое... А потом становится ясно: ты всего-то цветной шарик. На чужом празднике.

– Быть украшением не так плохо.

– Ты прав. Мишенью – хуже.

– Так кто из нас сегодня смурной, Фред?

– Ты, Дрон. А вообще... Все мы маемся. Жизнь скучна, когда из нее исключена высшая ставка. И – выбор.

– Между нею и смертью?

– Именно.

– Соскучился по намибийской пустыне?

– Может быть. Хочется чего-то... Не знаю.

– Риска?

– Покоя.

– Тебе здесь беспокойно?

– Сегодня – да. А риск... Его ищут любители. Професси-

оналов он сам находит.

– Спокойного дежурства, Фред.

– Лучше бы наоборот.

Фред зачерпнул горсть воды, она прошла сквозь пальцы и снова соединилась с морем.

– Вот и вся наша жизнь. Какая бы она ни была. А потому... Смотреть на такие звезды и знать, что они будут сиять всегда, мне порой просто невмоготу.

Глава 2

Тоска наступает тогда, когда человеку не хватает в жизни чего-то важного. Существенного. Того, без чего ему не живется. У одного это – слава и почет, у другого – карьерная тусовка, у третьего – деньги. А на самом деле... Людям не живется без жизни. И что тому виною – усталое воображение, повседневная рутина или что-то еще... Так уж выходит, что у большинства людей жизнь складывается из ожидания. И надежды на то, что станет лучше.

Ну а еще – в России мало солнышка. Совсем мало. А если оно и случается, люди по привычке греются водкой. Что еще делать, когда солнышка мало, а кругом только ночь?.. «Темная ночь, только пули свистят по степи...»

Наверное, я затосковал. Смешно. Над головой – яркие звезды Саратоны, морская вода тепла и ласкова, берег не просто освещен – чист, наряден, блестящ... Саратона – пристанище уверенной праздности и спокойной, привычной ре-спектабельности. А вот поди ж ты... «Степь да степь кругом, путь далек лежит...» Наверное, сердце всегда будет стремиться в зиму, в которой когда-то замерзало. Или зима – это вовсе не время года, а состояние? Как и то странное, мучительное ожидание, полное печали о несбывшемся и тоски о непережитом, что бывает после темной, затяжной осени, сразу перед снегом?

Перед снегом в душе – как в степи,
Полусонной, продрогшей, ночной,
Перед снегом грущу о любви,
И о том, что не сбылось со мной,

И о том, что сбылось, но прошло,
Словно надпись «люблю» на снегу,
И о том, как чужое тепло
Сердце льдом обмело, как в пургу,

И о том, как краснел до ушей
И не смел прикоснуться к руке,
И о том, как нарвал камышей
На сиреневой смутной реке...

Все пройдет, отлетит, говорят,
Ночь застелит туманами встреч,
Но о том, как прекрасен закат,
Буду помнить, и – буду беречь

Тот наивный и любящий взгляд,
Что связал нас – полжизни назад ¹.

¹ Здесь и далее стихи Петра Катериничева.

Человек счастлив тогда, когда его ждут. Когда без него одного – безлюден весь этот большой мир с морозами, пустынями, степными ветрами, звездами, океанами... Когда ему есть куда возвращаться.

А мне возвращаться было некуда. И не к кому. Она ушла зимой. Я ждал ее, звонил, а когда она все-таки пришла за чем-то оставленным, спросил: «Мы поссорились или расстались?» Она ответила: «Мы расстались». И все кончилось. Станный я человек: никогда не готов к расставанию. Или – к нему никто и никогда не готов?

Смотреть на зимнюю московскую слякоть и ждать слякоти весенней мне было невмоготу. И я уехал на Саратону. Солнца здесь куда больше, чем в России. Вдоволь. А счастья?

Саратона – остров. С одноименным городом на побережье, который местные жители пышно именуют столицей, с пляжами вдоль всех трех берегов, кроме западного, обрывистого и крутого, со множеством больших и малых особняков, как принадлежащих грандам мировой элиты, так и сдающихся внаем, с вечнозелеными кустарниками, пальмами и всегда теплым в этих местах океаном.

Мы, четверо спасателей, работающих на обширном участке пляжа, принадлежащего со всеми кафе, шале, бунгало, каруселями и маленьким городком аттракционов в лесопарке отелю «Саратона», самому дорогому из дорогих и престижному из престижнейших, не уступающему знаменитому лон-

донскому «Королю Георгу», жили чуть в стороне от Саратоны, на высоком обрыве над простором океана, к которому сбегала бог весть сколько веков назад вырубленная в скале тропка, увитая зарослями жимолости, жасмина и дикой розы.

Я, Олег Дронов, Фред Вернер, Элизабет Кински и Диего Гонзалес разместились в четырех трейлерах, расположенных четырехугольником; пятый, хозяйственный, располагался чуть в стороне. Естественно, имелись все удобства и даже душ горячий у каждого – Европа все-таки, хотя во-круг и Атлантика. Есть у нас и общая терраса, увитая дикими розами, виноградом, укрытая сверху рыбацкой сетью; широкий деревянный стол, керамические светильники, свечи, большие, врытые в землю амфоры, в которых пламенеют цветы... Жить можно.

Диего был здесь старожилом: почти пять лет. Остальные подтянулись кто прошлой зимой, кто нынешней весной. Спрашивать друг у друга, почему каждый из нас здесь, считается бестактным. Потому мы друг у друга ничего и не спрашиваем. Каждый рассказывает о своей прошлой жизни только то, что считает нужным.

Просто все мы прежнюю жизнь уже завершили, а к новой не прибились... Еще не прибились или уже? Бог знает. Или – мы просто ждем? Чего? Никто не скажет. Так уж устроены люди: каждый полагает, что в жизни его все сложилось бы иначе, если бы... А вот это «если» каждый тоже выдумывает

себе сам.

Навстречу мне шагал Фрэнк Брайт – пляжный служитель при каруселях и комнате смеха. С виду был он тщедушен, не жилист и не силен; пожалуй, он вызывал бы сочувствие, если бы не его всегдашняя язвительность, порою остроумная, но часто – злая. Злится ему было от чего: именно про таких индивидуумов сказал некогда Франсиско Гойя: «Есть люди, у которых самая непристойная часть тела – это лицо». Лицо Фрэнка Брайта было сморщено, как засохшая груша: обширный ожог рубцевался как попало, да еще и шрам с левой стороны кривил рот, оставляя его полуоткрытым в постоянной ухмылке; да еще и два неровных передних зуба... Все это делало Фрэнка похожим на мультяшного персонажа.

– Привет, Дрон.

– Привет, Фрэнк. Что поздно сегодня?

– Да парочка влюбленных на карусели закружилась. Потом дали хорошие чаевые, попросили запустить их в «лабиринт». А мне что? Любой каприз за ваши деньги. Уж они там порезвились, я вам доложу, как тысяча мартовских котов. И – кошек, разумеется.

«Лабиринтом» называлась еще одна комната, полная ко-со поставленных зеркал – любой дробился в них в десятках, сотнях, тысячах отражений, теряясь в этом Зазеркалье и повторяясь в нем бесконечно...

– Комната смеха сегодня тоже не пустовала?

– Не-а.

Меня и самого всегда интересовало, зачем люди идут туда – чтобы увидеть свое возможное уродство? Или – вздохнуть с облегчением, дойдя до последнего, правильного стекла?.. Я спросил это у Фрэнка, и он ответил, сморщив в усмешке кукольное личико:

– Люди очень любят себя, и они любят себя всякими! А зеркало... Что зеркало? Только стекло. – Подумал, добавил грустно: – Оно не выявляет уродства, но и не скрывает его. Да, люди обожают себя. О-божают! Делают из себя божков! Идолов! Кумиров! И – поклоняются себе самим и – больше никому. Таков мир.

Мы распрощались с Фрэнком, как разминулись. А мне подумалось вдруг: а что, если этот невеселый паяц прав? И мир действительно таков? И как тогда жить дальше всем нам?

Для себя я точно знаю одно: если ты не ведаешь, что тебе делать или как жить, – просто иди. Лучше – вперед и вверх. Вот только не нужно ничего преодолевать. Просто иди, смотри по сторонам и увидишь, как хороша жизнь. Она хороша летом, когда луг пахнет медом, а бор – хвоей... Она хороша зимой, когда снежок поскрипывает под ногами или когда лепит мокрый снег вперемежку с дождем, – ты идешь, вдыхая морозный или сырой воздух, и каждая клеточка твоего тела пульсирует радостью движения... Иди!

Глава 3

В тот вечер я поднимался от моря по кромке шоссе, все ускоряя шаг. Лицо мягко ласкал вечерний бриз, и жизнь в этом тихом бархатном раю в который уже раз показалась если и не счастливой, то сносной.

Машин было мало. Они обгоняли меня, обдавая жаром. Некоторые пассажиры оглядывались: пешеход был здесь в диковину. Я шагал по левой стороне навстречу движению. Ветер быстро смывал с перегревшегося асфальта запах гари; тело разогрелось движением, и я даже пожалел, что не остался поплавать. Потом решил: спущусь к океану от дома и два-три километра одолею. Вода сейчас сказочная.

Дом. Так уж устроены люди, что стараются назвать домом любое жилище, в котором задержались хоть на какое-то время. И хотя все мы умом понимаем, что тесное обиталище на теплой, но чужой земле домом от того не становится, а все же... Жить легче, если считать именно так.

Свет фар ослепил. Не смирив шага, я подал влево, но вдруг понял – автомобиль летит прямо на меня. В последнюю секунду успел соскочить к самой кромке шоссе, автомобиль пронесся в каком-то миллиметре, засыпав вывернутым тяжелыми протекторами крупным щебнем. Один камень острым краем раскрыл скулу.

Я чуть поплыл от удара, наклонился, опершись о колени и

мотая головой, пытаюсь унять выброшенную в кровь дикуую дозу адреналина. Сердце колотилось бешено; энергия требовала немедленного выхода.

А машину занесло; она неловко заюзовала по обочине, притормозила, бешено вращая колесами и пытаюсь выбрать-ся на шоссе... Как оказался в моей руке камень, я и сам понять не смог; но треск раскрошенного заднего стекла был мне приятен.

Автомобиль застыл, две передние дверцы распахнулись одновременно, и на меня с обеих сторон понеслись тяжело-ватой трусцой раскормленные атлеты. Ясный месяц, наши: кто еще станет куражиться в субтропиках развлекухой чере-мушкинского разбора?

Водитель добежал до меня первым, успел хрипло выска-заться на предмет всякой саратонской швали и – замолк: я легко ушел под летящий в голову кулак и с маху ударил муж-чину в порченную алкоголем печень. Тот словно споткнулся, рухнул на колени и уткнулся лицом в щебенку.

Второй казался непробиваемым. Дважды уклонившись от его ударов, я основательно вломил ему по корпусу, но он только екнул, глотнул воздуха и провел столь скорый удар, что я едва ушел уклоном! На секунду я встретился с ним взглядом и чуть не опустил руки: в глазах моего противни-ка тлела злая усмешка, словно... Словно он решил просто поиграться со мной, как кот с мышонком, чтобы потом со-жрать, аппетитно похрустывая размалываемыми крепкими

челюстями косточками...

Новый удар был болезнен – парень въехал мне в скулу, уже рассеченную камнем, улыбка скривила его губы, а взгляд стал презрительно-жалеющим... Или это ночная Саратона играла огнями праздника в его расширенных зрачках?

А потом я уже не думал ни о чем и ничего не чувствовал. Голову поволокло странной волной, я сделался легким и безмятежным, и как только он слегка отвел плечо, я залепил в незащищенный подбородок два хлестких боковых. Руки заныли, но боец, казалось, этих ударов даже не заметил, ринулся вперед и попытался меня обхватить и свалить. Я отступил назад и чуть в сторону, ушел нырком под руку, жестко пробил снизу в подбородок и добавил крюком справа. Голова нападавшего дважды дернулась, глаза помутнели, он опрокинулся навзничь и остался лежать недвижимой массой, словно борец сумо, выпивший тазик сакэ.

К авто я подошел из чисто детского любопытства: наши есть наши, как говаривал некогда один знакомый поляк: «Славяне-то мы славяне, только мы деремся до первой капли крови, а вы, русские, до последней».

Оттого очень хотелось убедиться: не затаился ли в автомобиле круторогий такой пацанчик в обнимку с бейсбольной битой; а вдруг покажусь я ему после пары косячков болотным страшилищем, да и вкатит он мне по загривку от широты славянской души. Кому оно надо? Мне точно нет.

Встречной пули я не опасался. Огнестрельное оружие на

Саратоне не рисковал носить никто – табу; пугал даже не приличный срок за «хранение», а то, что больше двух-трех дней любитель огнестрела в местной кондиционированной и образцово-показательной тюрьме не протягивал; то ли пища была экзотичной, то ли климат суровым, а – сердечный приступ, и все. Стволы имелись лишь у охранников в аэропорту и у префекта здешней полиции. Но они их никому не показывали.

В салон я заглянул осторожно, а там... Девушка в белоснежном бикини смотрела на меня темными, как предгрозовое море, глазами... Рот ее удивленно округлился, и она произнесла на чистом иностранном языке:

– О-о-о...

Я скромно пожал плечами.

– Ну надо же... – Глаза девушки пылали счастливым азартом.

– Бывает...

– Всю жизнь мечтала встретить на большой дороге благородного разбойника! Со шрамом!

Что я мог ей сказать? Что царапина от щебенки – не шрам от шпаги? Что благородных разбойников не бывает? Что все дороги на Саратоне упираются в океан? А потому ответил просто:

– Мечты сбываются.

Глава 4

– Мечты сбываются... – как эхо повторила девушка.

– Но не у всех, не всегда и не во всем.

Она расхохоталась, тряхнула волосами:

– Зачем ты бросил в нас камнем?

– Погорячился.

– А где Сашок и Витек?

– Отдыхают. Здесь ведь курорт.

Девушка расхохоталась:

– Им повезло. Не успели прилететь и сразу – процедуры.

Этот массаж им доктор прописал?

– Угу. Местный невропатолог. Климат здесь легкий и умиротворяющий, вот и массаж такой же.

– Так ты – доктор?

– Нет.

– А кто?

– Прохожий.

– Где ты так загорел, прохожий?

– Под солнцем.

Если что меня и удивляло, так то, что девушка осталась весела, абсолютно спокойна и даже кокетлива. Беззаботна. Не то что она не заметила происшествия – трудно не заметить, когда тебя усыпают раскрошенные осколки заднего стекла, а твои попутчики бездвижно лежат на асфальте, по-

сапывают и в «снах» их нет ничего, кроме черной ночи... Удивительнее было другое – девушка на все это просто не обратила внимания.

– А ты не боишься, доктор?

– Чего?

– Что «лечить» теперь начнут тебя?

Я лишь пожал плечами. Девушка здесь первый день. Это очевидно. Что я мог пока рассказать ей о Саратоне? Ничего.

– Это вряд ли.

– А ты кто вообще?

– Спасатель.

– Звучит торжественно.

– Работа такая.

– И от чего ты спас этих дутых мальчиков?

– От высокомерия.

– Ты за этим раскрошил нам стекло?

– Погорячился. В здешних местах не принято наезжать на пешеходов.

– Разве на тебя наезжали... По-моему, эти ребятишки если наедут, мало не покажется.

– Это ваши друзья? Или охрана?

– О нет. Перемолвились словом-другим в гостинице три часа назад. Мы прилетели вчера. Одним бортом. А вечером сидела на улице, в кафешке – скучно, знаешь ли. Они проходили мимо. Я им помахала, как старым знакомым. Они показались мне забавными. Ну, мы выпили и все втроем по-

ехали прошвырнуться. Проветриться.

– Проветрились?

– Более чем. Подбрось меня до отеля «Саратона», спасатель. Вожу я плохо, а в таком состоянии боюсь, что взлечу и – унесусь в это райское небо. – Девушка помолчала, произнесла: – Меня зовут Алина Арбаева.

– Знакомая фамилия.

– Ее знают здешние спасатели?

– Шарик маленький. Ее знают все, кто любит кататься на автомобилях.

– Ну да: саночки здесь явно никогда не возили.

– Азиатская нефтяная компания. Поздравляю, у вас состоятельный папа.

– Слушай, спасатель, может, ты перестанешь «выкать» и скажешь, как зовут тебя? Я на Саратоне впервые, но меня уверили, что здесь все по-простому и по-взрослому.

– Меня зовут Олег.

– Не будь нудным, Олег! Садись за руль и – поехали.

– Это твоя машина?

– Понятия не имею, чья это машина! А какая разница? Я хочу в гостиницу, чуть-чуть мартини с вишенкой, ванну... И наверное, спать.

– А эти ребята?

– Попутчики? Что мне до них? Пусть полежат на обочине.

Отдохнут. Проветрятся. Ты не убил их?

– Нет.

– А чего они до сих пор валяются, как неживые?

– Придуриваются, я полагаю.

– Зачем им?

– Чтобы не получить еще.

– По-моему, это бодрые ребята. И побоев не боятся. Просто рука у тебя тяжелая. Ничего. Им на пользу. Впредь не станут куражиться вне родного отечества и наезжать на незнакомцев. Очухаются – на попутках доедут. Разопьют по полкило беленькой и завтра, как проснутся, будут уверены, что им все приснилось. В дурном сне.

– Тебе не грозит их полуночный визит? Вдруг ребята захотят общаться дальше?

– Не хочу я с ними больше общаться. Я остановилась в пентхаусе. Кто их туда пустит?

Я только кивнул. Служба в отеле отлажена, как хороший швейцарский хронометр. Как правило, о постояльцах там знают все.

– Так ты подвезешь меня, спасатель?

– Поехали.

Девушка чуть наклонилась ко мне, произнесла полушепотом:

– А ты мне нравишься, спасатель. Надеюсь, наш сон будет счастливым.

Глава 5

До отеля «Саратона» – самого фешенебельного курятника на здешнем и без того небедном курорте – мадемуазель я домчал за четверть часа, стараясь ввиду отсутствия заднего стекла и общей усталости внимательно наблюдать за дорогой. А потому совсем не знал, что делается на заднем сиденье. А зря.

Что уж там потребляла дитя петролеума и падчерица алюминия, какие «колеса» раздумчиво размалывала крепкими зубками, а только когда я подкатил к отелю и собрался лихо передать руль службе, тот сделал круглые глаза и заспешил в холл.

Объявился сам мэтр Иван Саввич Савин, уроженец здешних мест и потомок казаков времен врангелевского исхода. Он деликатно покашлял в кулак.

Наконец-то и я соизволил обернуться. Девушка была не только абсолютно пьяна, она оказалась совершенно голой. Бикини с распущенными тесемками съезжились сиротливо на сиденье, а из одежды на Арбаевой остались лишь «скромные» босоножки от Версаче и не менее «скромный» браслет от Тиффани.

Обаяние новой русской – буржуазии? Или, как выговаривал Владимир Ильич, буржуАзии? Слово какое-то мелкотравчатое, к большей части чад и домочадцев наших сы-

рьевых магнатов вовсе никак не относящееся. Это они-то «буржуазия»? Чтобы стать буржуазией – а отпрыски такой в Саратоне бывали регулярно, – нужно, чтобы поколений пять твоих предков до дыр истерли нарукавники в заштатных банчонках Цюриха или Базеля, за конторками каких-нибудь Фордов и Морганов... Вот тогда, глядишь... А у нас пока... так. Флибустьеры и душегубы, от обычных бандитов до директоров бесчисленных фондов, те, кто «отпилил» много от страны с незабытым и грозным названием СССР, и те, кто отпилил очень много. Короче – пена.

Ну а на Саратоне их чада в «неформале» могут пообщаться с отпрысками буржуазии старой, или, как это именуют в Штатах, «старых денег». Может, мир таким вот макаром и приобретет когда-нибудь к глобальной гармонии, но я лично в этом сомневаюсь. Очень сомневаюсь.

– Почему она... в таком виде? – спросил Савин.

– Саввич, почему я знаю? Может, она и по Москве так ходит.

– Ты как за рулем оказался?

– Шоферюгой подкалымливаю. Где ее бодигарды?

– Сама мадемуазель прибила.

– Ни бойфренда, никого?

– Никогошечки. Бесприданница просто. «Алина Арбаева, как она есть!» А хороша девчонка, если честно, а, Дрон? Где ты ее все-таки подобрал?

– На острове.

– А...

– Саввич, долго рассказывать, но ты же меня знаешь – не альфонс и даже не жиголо.

– Это да.

– Просто ее водила чуть не сшиб меня с дороги, получил камнем по стеклу, вышел с напарником на обочину потолковать со мною о разном, да там и остался.

– На обочине?

– На ней. Им там самое место. Мадемуазель испросила доставить ее к вам. Под хмелем она крепким или под кайфом – не понять. Да, ты службе безопасности своей передай, пусть разъяснят, что за мальчики. Она с ними вечером в каком-то кафе познакомилась. И остановились они, по ее словам, в твоём отеле.

– Вчера?

– Ну да. Мордатые такие. Здоровые. В недалеком прошлом «типа спортсмены».

– Такие обычно у нас не останавливаются. Но я проверю. И вышлю за ними машину. Где ты их обронил?

– Третий километр, шоссе номер двенадцать.

Савин кивнул, немедленно приказал помощнику:

– На третьем километре, шоссе номер двенадцать – двое нетрезвых и побитых субъектов. Подберите, окажите необходимую помощь, доставьте в гостиницу.

– Будет сделано. – Помощник испарился.

Девушка сладко зевнула, свернула на заднем сиденье

клубочком, открыв самые потаенные места.

Савин только вздохнул:

– Слава Будде, на Саратоне бульварных газетеноч нету, а то бы и папарацци, и всякое такое же непотребство... Тьфу!

– А «Таймс»?

– Лондонская? Нью-йоркская?

– Обе.

– О, это газеты других полетов.

– По мне – тех же самых.

– Дрон, без обид, уж где и как ты там с ее ухажерами разошелся, мне без интереса, а только помоги мадемуазель до пентхауса спроворить, мы же «Саратона», а не «Хилтон» какой-нибудь.

– Халатик бы какой-никакой...

– Да уже несут! И еще... Ты уж сам в подземный гараж зарули, а я команду дам, чтобы тебя прямо в пентхаус вместе с кралею и вознесли. Лады? Прессы-то у нас нет, а пересуды? Оно нам надо?

– Твоя правда, Саввич. Твоя правда.

В пентхаус нас сопровождал молодой человек. Я занес завернутую в халат леди Арбаеву в номер, огляделся, поместил на широченный диван, снял трубку антикварного телефона:

– Саввич? Мне тут до утра делать совсем нечего, ты бы сиделку прислал какую-нибудь, что ли, пусть за девушкиным похмельем или кумаром – пес знает, что с ней такое – приглядит.

– Вот еще! – Алина внезапно встала с дивана, одним движением сбросив халат, подошла, вырвала трубку, скомандовала: – До утра нас не беспокоить! – и опустила трубку на рычажки.

Прошла к центру комнаты, опустилась в подсвеченную, размером с небольшой бассейн, ванну. Погрузилась с головой, вынырнула, встряхнула мокрыми курчавыми волосами, прошлепала босыми ногами ко мне, встала в позе самой откровенной и вызывающей.

– Тебя смущает моя нагота, спасатель?

– Не особенно, – честно ответил я.

– Ты что, голубой? Или импотент?

– Ты спросила о смущении. Я ответил. Пока. – Повернулся и пошел к двери.

– Посиди немного со мной, – попросила девушка, и голос ее прозвучал так, что я остановился, обернулся. На глазах Алины блестели слезинки. Она уже набросила халат, завернулась в него. – Посиди со мной чуть-чуть, просто посиди. Я не стерва, просто образ стервы мне словно «прописан». «Алина Арбаева – нефтяная молодежь», как она еще себя может вести?

– По правде?

– По правде.

– Мне все равно.

– Да? А как же ты тогда работаешь спасателем, Олег? Если тебе все равно.

– Люди здесь тонут не часто. Если кто-то порой лишь воды наглотается, а так... Сюда приезжают те, кто живет очень хорошо. А здесь – еще и весело.

– Что-то мне не очень весело пока.

– Ты перебрала в баре, потом наглоталась каких-то пилуль... Откуда веселье?

– А ты еще и нудный, спасатель. И – разозлен. Не так?

– Да. Я разозлен. Устраиваешь в авто стриптиз, мне приходится тащить тебя в апартаменты... Я не буду твоим приключением, Арбаева.

– Какой строгий молодой человек. Но поговорить-то со мной ты можешь? Просто поговорить?! Такая уж у меня жизнь: со мной никто никогда ни о чем не разговаривает, понимаешь?! Ты хоть можешь представить, насколько мне одиноко? Или указания раздают – и отец, и его подхалимы, а окружающие... Или стараются угодить, или – просто хамят! Особенно прислуга! Знаешь, тонкий такой вид хамства – когда на тебя смотрят, словно сквозь стекло, и ждут – нет, не чаевых, не подачки, – положенного! И если бумажка будет меньше принятой здесь «на чай» сотки, еще и оскал такой губами скроют, что просто врезать хочется!

– Кто бы знал, какая тяжелая у тебя жизнь...

– Не ершишь, Олег... Давай просто посидим и поговорим. Хочешь, я тебя чаем угощу, хорошим.

Чаю я хотел. Девушка уловила мое легкое колебание мгновенно, сказала:

– Пойдем. Здесь по папиному настоянию оборудована даже особая чайная комната.

Чай Алина заваривала, как священнодействовала. Вообще-то я сам умел и любил заваривать чай, но поймал себя вдруг на том, что просто люблюсь девушкой: все напускное в ней словно куда-то исчезло, она просто сейчас старалась сделать этот любимый философами напиток настолько хорошо, чтобы гость почувствовал... Что? Давность традиции? Древность ритуала? Связь с тысячей поколений ее предков, живших в нищете на пропитанной нефтью земле?..

Наконец она разлила чай темно-янтарного цвета в специальные круглые, чуть расширенные кверху стаканы – в таких он долго остается очень горячим и в то же время у поверхности чуть остывает так, что можно прихлебывать, – пододвинула мне поднос восточных сладостей.

– Что скажешь? – спросила она.

Я посмотрел на громадное, мерцающее мириадами звезд небо над головой:

– Ночь только начинается.

Глава 6

– Ночь только начинается... – тихо повторила Алина, запрокинув голову. – В такую ночь хорошо влюбиться. Или умереть. Что вообще-то одно и то же.

– Не думаю.

– И я не думаю... Просто говорю... Где-то я это слышала, совсем недавно, и мне это показалось... откровением. Влюбиться и умереть – одно. Жутко, но прекрасно.

Я посмотрел внимательно на девушку – нет, она не производила впечатления человека инфантильного или девочки-подростка. Девочки вообще взрослеют быстрее и сакраментальное «Я – умру?» в утвердительное «Я умру!» переводят гораздо раньше своих ровесников, лет в четырнадцать—пятнадцать, когда пацаны даже не задумываются о вечности или бренности подлунного мира и собственного существования в нем! А девчонки начинают кто – пугать себя этим страшным и чарующим открытием, кто – играть с ним, выдумывая жуткие истории и тем уничтожая настоящий, истинный страх... А вообще-то любому человеку после осознания того, что он смертен, стоит лишь выдумать свою будущую жизнь, чтобы исключить эту жуткую перспективу.

– Смерть жестока и безобразна, – произнес я твердо.

– Всегда?

– Всегда.

– А никто и не собирается умирать. Наоборот. Саратона только-только начинает мне нравиться. Мне рассказывали – здесь особый воздух и особые люди... Да, они здесь особые. Я это чувствую. Как чай?

– Божественный. Пожалуй, допью и пойду.

– Ладно, спасатель. Будем считать, что я – красавица, но – не твоя героиня. А ты – не мой герой. – Она вытащила откуда-то изящную коробочку, открыла, вынула пару таблеток, бросила на язык.

– Что это?

– Что доктор прописал. Не хочешь попробовать?

– Нет. Некогда хворать, а уж таблетки пробовать из любопытства – и подавно.

– Напрасно. – Глаза девушки чуть затуманились, а потом – словно засияли. – Это не наркотик. Ни привыкания, ничего. Просто порой это позволяет даже не увидеть, нет – почувствовать этот мир – весь, целиком, словно я планета... или звезда... Словно я жила вечно, нет, живу вечно и так же буду жить! Всегда! Всегда! Замечательное слово – «всегда»! Это когда ничто не может окончиться, завершиться, исчезнуть, это когда все послушно и подвластно твоей не воле даже, нет – твоему воображению... И мир – великолепен, огромен, прекрасен! И ты – царишь в этом мире...

Что мне было ответить на это? Ничего. Уметь чувствовать мир и его красоту, и его печаль, и его жестокость, и его ласку, и его безмерную бесконечность – удел немногих. Но если

достигается такое парой таблеток – может, это и не чувство вовсе, а химера, ложь с мерзкой рожею кривды, искривляющей и уродующей душу тихонечко, исподволь... Но говорить это богатой балованной красавице? Да она и не услышит...

– Я знаю, о чем ты думаешь, Дрон.

– Да?

– Ты думаешь, что это наркотик. Что завтра меня скрючит кумар, но девочка я богатая и у меня есть чем его снять... Ты об этом думал?

– Не совсем.

– Это не наркотик. Просто травы. Пьют же люди таблетки, чтобы не болела голова. А эти – чтобы не болела душа.

– Душа должна болеть, пока жива.

– О нет. Душа должна парить, нежиться, восторгаться!

– Что мешает тебе нежиться и восторгаться, Алина? Тебе, кстати, завтра на работу не вставать?..

– Иронизируешь? Что мешает... Мир этот мешает. – Девушка добавила, посерьезнев: – Я его боюсь. Я всего боюсь. А «чако» изгоняет страх. С ним можно жить свободно.

– «Чако»?

– Ну да. Снадобье, которое ты принял за наркотик, – просто лекарство от страха. Перестаешь беспокоиться о жизни, потому что знаешь, что будешь жить вечно.

– Господь подарил нам свободную волю и бессмертную душу...

– Но забыл подарить забвение. Мы всегда живем под стра-

хом того, что... Помнишь, из Хайяма?

Ухожу, ибо в этой обители бед
Ничего постоянного, прочного нет —
Пусть смеется лишь тот уходящему вслед,
Кто прожить собирается тысячу лет...

О, он был мудрец, он знал, что нужно уходить, он знал
Путь... Теперь и я знаю Путь! И жизнь моя не пуста!

Может статься, что сделать глоток пред концом
Не позволит нам Небо в безумстве своем...

Как думаешь, что ждало Омара Хайяма, живи он в Испании веке эдак в пятнадцатом?

– Костер.

– Ты знаешь... Порой мне кажется, каждому человеку хочется сгореть, чтобы... осветить весь мир! Но мало кто находит мужество сделать это.

Глава 7

Алина помолчала, улыбнулась:

- Хайям жил, кажется, где-то на Востоке?
- В Персии.
- Ты бывал в Персии, Олег?
- Нет. Но я о ней много знаю.
- Да?

В Хорасане есть такие двери,
Где усыпан розами порог,
Там живет задумчивая пери.
В Хорасане есть такие двери,
Но открыть те двери я не смог... —

прочел я нараспев.

- Есенин? Он сам там никогда не был.
- Разве это важно? Он представил Персию такой, и для всех, кто прочел эти строки, — она такая.
- Ну надо же, спасатель! А ты романтик.
- Если это так называть. Просто я бывал в разных местах, а в душе стараюсь хранить то, что было бесконечно красиво.
- Ты знаешь, что красиво, а что уродливо?
- Каждый человек видит мир таким, каким хочет видеть.
- Может быть. А как ты здесь оказался?

– Случаем. Солнышка захотелось.

– А почему тебя зовут Дроном?

– Меня зовут Олег.

– Не ври. В автомобиле меня чуть-чуть повело, а скорее – я просто решила немножко пошалить. Ты не догадался?... Я вовсе не была в беспамятстве и слышала, управляющий отелем называл тебя так. Дрон... Что-то знакомое...

– Прибавь одну букву.

– Дронт? Ископаемый маврикийский голубь! Но вас же всех истребили! Знаешь, почему? Этому миру не нужны не похожие на него... Мирные и беззубые. Пусть даже очень редкие. Я это знаю точно. Вот папа: и чьи только когти и зубы не драли его шкуру, а сколько шкур содрал он – не счесть! И не считай меня жестокой или циничной: мир этот таков и его не переделать! И никто никогда не выбирает сам, где и кем ему родиться! Да и жизнь свою тоже не выбирает – так, катимся все под гору...

Я раньше это только чувствовала, теперь – знаю. Мир стал прозрачным, как раннее небо ясным бабьим летом... И немного призрачным...

Ладно, спасатель. Утомила я тебя своими откровениями, а они банальны, как вяленая рыба... Ну да – вяленая, и уже не одно столетие. Каждое поколение мнит себя неповторимым, непохожим на все предшествующие... Только звезды вечны. И я стану звездой, я знаю... А ты... Сейчас ты допьешь свой чай и вернешься к тому, что любишь – или не любишь? К

постылой свободе, нищей независимости, к чему еще? Тебе есть куда возвращаться? – Девушка глотнула чаю, продолжила: – Вся беда этого мира в том, что здесь нечего покорять!

Нету края света, потому что земля круглая, и возвратиться потому некуда по-человечески – везде огороженные заборами дворцы или хижины, отхватившие себе кусок, объявившие его свободным и готовые разорвать на части любого, кто покусится на его ограниченную с четырех сторон свободу, на его скупость и его скудость! Я говорю непонятно?

– Скорее путано.

– Это пройдет. Скоро. А я стану звездой. И буду сиять! И буду жить вечно! Знаешь, почему? Мне это суждено! Суждено! Ты мне веришь?!

И тут – зазвучала мелодия Моцарта. Прозрачная, как вода студеного альпийского ручья. Грустная и чарующая, она слышалась словно сама собою...

Девушка вскинула кудрявую голову, вслушиваясь.

– Это – знак? – спросил я, постаравшись, чтобы вышло иронично, но не насмешливо.

– Нет. Это мобильный. Полифония.

– Красиво.

Алина прошла в комнату, взяла трубку. Мелодия оборвалась на парафразе.

Глаза девушки заблестели, странная улыбка скривила губы, она кивнула несколько раз, нажала отбой, вернулась, посмотрела на меня, но как бы сквозь, сказала тихо:

– Прощай, спасатель. Тебя ждет твое солнце, и твоя жалость, и твоя тоска, и твоя любовь, и твоя доблесть... А меня ждут звезды. Теперь я – одна из них.

Тревога волной сдавила мне сердце, но то ли от усталости и утомления этого дня, то ли еще отчего... Я ничего не успел.

Одним движением Алина сбросила халатик, оставшись нагой, пробежала несколько шагов до края, вскочила на парапет, блаженно изогнулась юным загорелым телом и – сверглась вниз. Исчезла.

Я глупо сидел на краешке диванчика, сжимая стакан остывшего чая. Потом подошел к парапету.

Саратона внизу сияла. Где-то вдалеке вздыхал океан, покойно, непостижимо... Откуда-то слышалась мелодия гавайской гитары, но все это заглушали чистые, прозрачные струи Моцартовой сороковой симфонии, что продолжала звучать внутри меня...

Ночь на Саратоне только начиналась. Для Алины Арбаевой она уже закончилась. Как и весь этот сияющий мир.

Фортуна – девушка странная. Есть у нее и любимцы, и изгои. Иным она сдает от рождения такие карты, что можно садиться вслепую за любой стол и грести золотые дукаты горстями, пока не устанешь. Другим же предстает порой в столь странном обличье, что и решить не можешь: то ли это счастливый случай, то ли случайная каверза, какая заведет тебя в такое жизненное болото, из которого, кажется, не выбраться.

В какой бурелом забрела юная Алина Арбаева? Весь мир

и даже не в переносном – в прямом смысле лежал у ее ног, а она распрощалась с этим миром легко, с сиянием в глазах, словно некто блистательный и лукавый обещал ей: «Прыгай, и мои крылья подхватят тебя и вознесут к звездам...»

«Теперь я знаю Путь...» «Влюбиться и умереть – одно. Жутко, но прекрасно». «Снадобье, которое ты принял за наркотик, – просто лекарство от страха. Перестаешь беспокоиться о жизни, потому что знаешь, что будешь жить вечно».

Теперь Алина Арбаева лежит разбитой куклой на лоснящемся асфальте... Кто сотворил с ней эту злую и бесцеремонную шутку?!

Мелодично прозвучал гостиничный антикварный аппарат.

– Ты еще там, Дрон? – спросил Савин.

– Как слышишь.

– Что произошло?

– Алина Арбаева решила стать звездой. В прямом смысле.

И спрыгнула с парашюта.

– Дрон, ты...

– Я не успел. Все произошло очень быстро.

Или я просто постарел и разучился предугадывать? Или это особое обаяние Саратоны? Он не создан для несчастий, этот остров всегдашнего праздника...

– К тебе уже поднимаются. Постарайся ничего не трогать. Да, уже выехала патрульная машина и префект. Я поднимаюсь

тоже. – Савин помолчал, произнес тихо: – Дрон, как тебя угораздило во все это «вписаться»?

– Бог знает.

Знает кто-то еще, тот, кто звонил девушке по мобильному перед самым прыжком, но Савину я об этом говорить не стал.

– Я все сказал?

– Это ты у меня спрашиваешь, Иван Саввич?

– Ага. Не уходи никуда, Дрон.

– Через парашют? Я не хочу становиться звездой.

– Все хотят. Не у всех выходит.

Глава 8

Размышлять на тему «Как стать звездой» мне было просто некогда. Я успел подойти к осиротевшему мобильнику, взял: мне нужно было увидеть номер, с какого звонили Арбаевой. И – запомнить.

Пролистать память навороченного аппарата уже не удалось: в дверь номера тактично постучали.

Зашли трое. Двое полицейских и гостиничный детектив. Лица у полисменов были невозмутимыми, лицо детектива – озабоченно-досадливым: и надо же было такому приключиться именно в его дежурство! Теперь – заботы, неприятности, хлопоты. Короче, нарушение привычного жизненного распорядка. По-крупному. Ну а какие кошки скреблись у меня на сердце – об этом я никому сообщать не стал.

Полицейские попросили меня вернуться в номер, устроиться в кресле и дожидаться префекта. Потом появилась «сценарная группа»: съемка, экспертиза, отпечатки пальцев... Они толково разбрелись по комнатам, заниматься привычным и в общем-то рутинным для них делом. Префект должен был появиться минут через пятнадцать.

Не знаю, чем скрашивали время ожидания мои соглядатаи, а я вздремнул. Расслабил мышцы лица, шеи, предплечий и скоро уже видел сон. Мне снилось, что я лежу на поляне в лесу, где-то в России; солнце теплое и нежаркое, по-

ляна окружена лесом, а сверху – спокойное, неяркое небо... Я чувствовал солнечное тепло сквозь сомкнутые веки, потом смотрел на небо и вдруг почувствовал, как исходящий от нагретой земли, настоящий на ароматах полевых трав и теплой сосновой смолы поток словно подхватил меня и стал поднимать над поляной... И вот – воздух был уже упруг и послушен, и непонятная радость согревала и нежила... Сон был добрый.

– Олег Дронов? – услышал я вежливое, решил, что сон досмотрел, и открыл глаза.

В кресле напротив сидел префект полиции Саратоны – спортивный, крепко сбитый мужчина лет пятидесяти пяти. Под пиджаком его угадывалась наплечная кобура; он единственный на острове носил оружие, но никогда его не применял, хотя, по слухам, владел пистолетом мастерски и, по тем же слухам, почти каждый вечер уезжал в небольшой каньон на западной окраине Саратоны, давно превращенный в свалку, и практиковался там в стрельбе; мне вспомнилось почему-то, что наши предки считали владение пистолетом искусством; и еще вспомнился почему-то Пушкин, и его Сильвио из «Выстрела», и строки дуэльного кодекса: «Дуэль не должна ни в коем случае, никогда и ни при каких обстоятельствах служить средством удовлетворения материальных интересов одного человека или какой-нибудь группы людей, оставаясь всегда исключительно орудием удовлетворения интересов чести».

Все эти мысли промелькнули мгновенно: я встал и вежливо поклонился Алену Данглару, носившему, кстати, наследственный титул барона. И сама фамилия его, по правилам, должна была бы писаться через апостроф, но барон считал это неудобным.

– Вы у нас числитесь спасателем на Восточном пляже?

– Да.

– Волею возложенных на меня должностных обязанностей я вынужден буду задать вам несколько вопросов. Прошу вас не чувствовать себя оскорбленным, если какие-то из них покажутся вам обидными или задевающими вашу честь: дело идет о... безвременной кончине совсем молодой особы, впервые посетившей наш остров; отец ее, хотя и не особенно известен в кругах людей, обычно отдыхающих на Саратоне, тем не менее, насколько мне удалось установить, занимает крупный пост в серьезной нефтяной корпорации и пользуется значительным влиянием в в а ш е й стране. Был бы вам признателен, если бы вы были откровенны и точны.

Да, такая речь крупного полицейского чина, обращенная, если называть вещи своими именами, к главному подозреваемому, была мне приятна. В родном отечестве при сходных обстоятельствах мне бы такое сказали, что...

Находясь на Саратоне, я многое слышал о бароне Дангларе, но личное впечатление – дороже: его светло-голубые глаза смотрели на меня спокойно, холодно и... участливо. Странное сочетание – или мне так показалось с недосыпа?

– Постараюсь вспомнить все детали происшедшего и рассказать о них достаточно четко и связно, насколько это в моих силах, – ответил я столь же церемонно.

Префект кивнул, растянул губы в вежливой улыбке и сказал:

– Итак? Что здесь произошло?

Прозвучало это как: «Итак, какие причины побудили вас убить старушку, Раскольников?» Тон префекта словно расставил все точки над «і». Он ждал мою версию случившегося и не собирался скрывать, что для него это изначально – моя версия, которой никто особенно доверять не собирается. Так что – барон исчез, остался полицейский – умный, жесткий, собранный, готовый размазать меня по стенке «волею возложенных на него должностных обязанностей».

– Алина Арбаева в час тридцать две минуты сбросила халатик, подошла к парапету и прыгнула вниз.

– Вы точны.

– Я стараюсь.

– Вы запомнили время? Специально посмотрели на часы?

– Нет. Я был несколько... ошарашен случившимся, поэтому подошел к парапету скорее машинально и посмотрел вниз; отсюда видны стрелки часов на башне ратуши; часы показывали один час тридцать две минуты пополуночи.

– Она просто вот так вот взяла и прыгнула?

– До этого мы пили чай и разговаривали.

– Вы обсуждали какое-то дело?

- Нет. Это был... философский разговор.
- На тему жизни и смерти?
- В том числе.
- Ну что ж: смерть доказала, что она победительней.
- Всякая смерть временна.
- Да? – Данглар посмотрел на меня пристально, чуть склонив голову. – А что же, по-вашему, тогда постоянно?
- Любовь.

Глава 9

Префект покивал, думая о чем-то своем, снова посмотрел на меня:

– По возрасту вас трудно назвать романтиком.

– Возможно.

– По... жизненному опыту – тоже.

– Вам известен мой жизненный опыт?

– Мне известна ваша теперешняя жизнь. Этого достаточно.

– Для чего?

– Чтобы делать выводы.

– И какие выводы вы сделали на мой счет, господин Данглар? Могу я вас так называть?

– Можете. Пока.

Я благодарственно и церемонно кивнул.

– Так вот, господин Дронов, спасателями у нас работают, как правило, люди, жизнь которых так или иначе отчего-то не сложилась на континенте.

– Еще не сложилась или уже?

– У кого как. Трудно назвать успешным человека, который покинул свою страну, где мог бы сделать карьеру, ради одинокого качания на катере в течение шести, восьми, а то и двенадцати часов.

– Всякая работа почетна.

– Так почему вы покинули свою страну, господин Дронов?

– Там холодно.

– Холодно?

– Да. Снег, мороз, слякоть – все это очень утомляет, поверьте.

– Вы покинули Россию навсегда?

– В этой жизни что-то бывает навсегда?

– Вы сказали – любовь.

– Я тут погреюсь немного под солнышком, наберусь тепла... Может быть, тогда ко мне вернется способность любить?..

– Любовь – это способность?

– Любовь – это вера, лишённая страха потери.

– Может быть. Но все это лирика. И рассуждаете вы странно. Мне было бы понятнее, если бы вы сказали, что приехали подработать: в вашей стране, может, и почетен любой труд, но платят за него, насколько мне известно, весьма скудно.

– Не всем.

– Уже теплее, господин Дронов.

– Кому как.

– Вернемся к госпоже Арбаевой?

– Как вам будет угодно.

– Хотя господин Арбаев и не входит в финансовую элиту, он, тем не менее, достаточно состоятелен, чтобы впоследствии претендовать на определенное место и роль в мировом деловом сообществе. Я правильно излагаю?

– Да.

– Это первый послыл. Второй. Я информирован о том, что в вашей стране... э-э-э... популярен такой вид конкурентной борьбы, как заказные убийства.

– Бывает.

– И третий послыл. Почему бы мне не предположить, что вы, человек в общем-то без определенных занятий, не убили Алину Арбаеву по... заказу?

– Зачем?

– Вы решили заработать деньги. Много денег.

– Но не таким же глупым способом.

– Отчего глупым? Вы в цивилизованной стране, господин Дронов, я чувствую в вас человека образованного и опытного... Следователям придется приложить немало усилий, чтобы доказать убийство. Помурывают вас немножко, но прямых улик... – он сделал паузу, – мало. И – отпустят.

– Глупость такого замысла вот в чем: куда я денусь с «подводной лодки»?

– Это русская идиома?

– Это – русская правда. Предположим, вы меня отпустите, но... Мною займутся люди Александра Алиевича Арбаева. Суд присяжных им не нужен. Я же не идиот и не самоубийца. Так что... Киллеры у нас предпочитают уходить с места преступления неузнанными и неопознанными. Иначе их работа теряет всякий смысл. Мертвым деньги не нужны.

– А если предположить, что кто-то запланировал именно

такой вариант? Сначала гибнет Арбаева, затем – вы?

– Зачем устранять Алину Арбаеву?

– Чтобы вывести из равновесия ее отца. Особенно перед крупной сделкой. Тем более сам он, насколько мне известно, всегда путешествует с сильной охраной и для простого покушения малодоступен. Резонно?

– Может быть.

– Так вы признаетесь, что убили Алину Арбаеву? – Лицо префекта расплылось в жизнерадостной улыбке.

– Нет. Все было так, как я сказал.

– Девушка ни с того ни с сего покинула этот мир?

– Возможно, ей обещали лучший...

– Обещали? Кто? Вы? Она что-то говорила вам об этом?

– Да. Она была уверена, что станет звездой.

– Алина Арбаева была занята в шоу-бизнесе? Или в кино?

– Нет. Она имела в виду прямой смысл этого слова. Она была уверена, что станет звездой наподобие... – Тут я запнулся – не смог вспомнить названия ни одной звезды. Кроме Полярной, разумеется. Но вряд ли девушка собиралась заменить собою звезду с таким холодным названием.

– Она была адекватна?

– Смотря в чьем понимании. Для поэта ее суждения показались бы вполне здоровыми, для чиновника...

Префект поморщился так, словно разжевал лимон:

– Вот в это – особое мироощущение поэтов – я, простите, не верю. Если у них не будет денег на кусок хлеба...

- Они все равно останутся поэтами.
- Вы упрямый человек, Олег Дронов.
- Вовсе нет. Просто мне нравится узнавать людей, непохожих на меня. Разных.
- Не лукавьте. Все мы ищем людей, похожих на себя, чтобы нас по меньшей мере понимали... Вы понимали Арбаеву?
- Боюсь, что не вполне.
- Почему? Вы же довольно долго беседовали?
- Пожалуй, я устал, постарел и очерствел душой.
- Витиевато.
- Это правда.
- Предположим, действительно произошло самоубийство... Вы не пожелали помешать?
- Я не успел.
- Почему?
- Я уже сказал. Устал. Не понял, что она готова именно к самоубийству.
- Вы не пройдете со мной к парапету?
- Как вам будет угодно.

Мы поднялись, вышли из комнаты в чайную. Воздух был напоен ароматами цветов, а вокруг, насколько хватало взгляда, полыхала, благоухала, цвела ночная Саратона.

Я показал, где сидел я, где стояла Арбаева, еще раз обстоятельно объяснил, как она подошла к краю и прыгнула. Говорил я скупно и монотонно, а мой дознаватель, нахмурившись, тер указательным пальцем переносицу. Потом произ-

нес:

– Знаете, что я пытаюсь сейчас отыскать, господин Дронов?

– Мотивы?

– Нет. Соответствия.

– Ну и?

– Оглянитесь вокруг, Дронов. Жизни молодой, красивой, богатой девушки в э т о м мире соответствует все, а смерти – ничто.

Глава 10

Молчал я недолго. Кивнул и произнес:

– Значит, и нужно искать то, что превращает живой мир в ничто.

– И вы знаете, что именно?

– Наркотики. Тех, кто ей девушке предложил. Того, кто говорил с ней непосредственно перед гибелью.

– Это были вы.

– Чуть раньше прозвучал телефонный звонок. После короткого разговора ее несколько странное поведение сделалось совсем отрешенным. Моя вина в том, что я этого не заметил.

– Ей звонили в номер?

– Нет. На сотовый.

– Арбаева была наркоманкой? И что же она употребляла? Героин? ЛСД? Морфий? Кокаин? Стимуляторы? Что?

– Не знаю. При мне она приняла две таблетки. Положила под язык.

– И ее поведение и речь сразу изменились?

– Я бы не сказал, что сильно. По-видимому, она уже принимала подобное накануне.

– Итак, девушка была не в себе, а вы, как истый джентльмен, сидели, угощались чаем и слушали ту галиматью, что она несла?

– Да. Только...

– Что – только?

– Она не галиматью несла. Она – душу изливала.

– Ваше объяснение выглядит по-идиотски, вы не находите?

– Нет. Скорее вполне по-русски. Нам порой просто необходимо, чтобы нас кто-то выслушал.

– Вы не обращаетесь к психоаналитикам?

– Обходимся.

– Это тяжелая работа – слушать переживания других. У нас это хорошо понимают. И хорошо за это платят. У нее был психоаналитик?

– Не знаю.

– А я полагаю, что был. Она была дочерью весьма состоятельного родителя. Вы знаете, сколько стоит аренда этого пентхауса?

– Нет. Зачем мне?

– Вы нелюбопытны?

– Нет.

– А почему остались слушать наркотические бредни Арбаевой, а не отклонялись и не ушли? Кажется, у вас вчера было утомительное дежурство. И день был жарким.

– Она попросила выслушать ее. Я остался.

– Только ради разговора? Или – девушка понравилась? Вы ведь гетеросексуал и не избегаете внимания прекрасного пола, не так ли?

– Да.

– Откуда вы привезли Арбаеву в отель?

– С шоссе.

– И как попали к ней в машину?

– Сидевший за рулем чуть не сбил меня, я в ярости запустил в заднее ветровое стекло, водитель с приятелем вышли разобраться.

– Разобрались?

– Слегка. Потом я заглянул в салон, увидел там девушку, заметил, что она не в себе, – понять, наркотическое это опьянение или алкогольное, я не смог, поэтому решил доставить ее в отель.

– Почему она оказалась голой?

– Шалила.

– Шалила. Шла Саша по шоссе и сосала сушку... Кажется, в русском языке есть подобная считалочка?

– Есть.

– Будем считать, что версия заказного убийства остается как запасной вариант. Вы не кажетесь мне алчным до денег и убедительно рассуждали о «подводной лодке». – Данглар замолчал, намурлыкал знаменитый мотивчик «Yellow Submarine», продолжил: – Да и слишком мудрено. А мне мило то, что просто и конструктивно.

– В спецназе не служили, господин Данглар?

– Очень давно и совсем недолго. А вы, господин Дронов?

– Очень недолго и совсем давно.

– Вот видите. А с чего вы вспомнили?

– Там предпочитают простые и конструктивные решения.

– Правильно предпочитают, ибо в них – истина. Так вот, про вас мы, в сущности, ничего не знаем. А какая версия приходит на ум прежде всего, когда красивая свободная девушка приглашает в номер такого пляжного волка, как вы? Красивая девушка решила красиво и нескучно провести время. Не так?

– Может быть. Но я исключил такой вариант.

– Почему? Вам не понравилась девушка? Мне доложили – очень хороша... была. И то, что вы равнодушны к прекрасному полу, – мне тоже доложили.

– Я не игрушка для девушек.

– Вот-вот. Избалованная, богатая... А вы – комплексующий интеллект. Уж поверьте, интеллект в вас я чувствую... Да еще, как выяснилось, служили в войсках специального назначения. Итак, что выходит?

– Что же?

– Предположим, Алина Арбаева вас оскорбила. А у вас был длинный трудный день, жаркое солнце, кругом богатые, да что богатые – избалованно-богатые детки, не привыкшие получать от прислуги отказ в чем бы то ни было... Ну, что вы бровью двинули? При-слу-га. Вот кто вы для них. Я, кстати, тоже относился бы к этой категории, если бы...

– О да, барон...

– В том числе. Я не богат, но родовит. Как ни странно, эта

архивная пыль в таких вот местах порою еще в цене. Так вот, усталый, подогретый стычкой со странными ребятами, «шалостями» Арбаевой, вы, получив неожиданное и болезненное оскорбление, на миг – на мгновение – потеряли не рас-судок даже – самоконтроль и одним движением швырнули девушку... от себя. Нет, не с крыши пентхауса – просто от себя подальше!

Помутнение прошло, и – что? Девушки нет. Она перелетела парашют и упала на мостовую. Тридцатую пятую эта-жами ниже. Неосторожное убийство. Бывает. Никакой евро-пейский суд не даст вам больше нескольких месяцев тюрьмы.

Ален Данглар снова замурлыкал какую-то мелодию, и я с вящим удивлением узнал в ней знаменитую балладу о Стень-ке Разине... «И за борт ее бросает в набежавшую волну...» Откуда ее знает барон? Бывал в России? Или еще в СССР?

Нет, я точно очень устал. Крепко. И «Стеньку», и «Коро-бочку» ежевечерне исполняют в двух из пяти русских ресто-ранов Саратоны.

– Я не убивал Арбаеву.

– А кто ее убил?

– Господин префект, я сообщил вам всю информацию, ко-торой обладал. Не соблаговолите ли вы, в силу должности и полномочий, коими наделены волей, как я полагаю, богатей-ших и влиятельнейших финансовых кланов, или предъявить мне обвинение, или поступить иначе, в соответствии с зако-ном, справедливостью и долгом?

– О. Хорошо сказано. Хотя и не без иронии. Но вы же взрослый человек, господин Дронов, и должны понимать: закон, справедливость и долг порой не только не дополняют, но – исключают друг друга.

Я задумался. Ну как ему объяснить?.. Мне и без того нелегко было подобрать английский эквивалент слова, хоть отдаленно напоминающего русское «справедливость». Слова же «совесть» в английском языке нет вовсе. Лишнее.

– Почему бы вам не поверить мне и не задуматься над версией о наркотиках?

– Вы так и не убедили меня, что это был наркотик, а не безобидные лепешки для свежести дыхания.

– Алина называла это «чако».

– «Чако»? Никогда о таком не слышал. – Лицо префекта сделалось каменно-непроницаемым, холодные голубые глаза превратились в два кусочка мутного льда, сквозь который не разглядеть было уже ничего.

Глава 11

Все люди делятся на тех, кто отдает приказы, и тех, кто их добросовестно исполняет. Почему-то считается, что тот, кто будет потом приказывать, сначала проходит путь исполнителя. Вот уж нет. Эти ребятки начинают командовать сразу, будучи еще зелеными лейтенантиками или самыми младшими из младших научных сотрудников: стадию курсантов и лаборантов такие минуют тоже в состоянии начальников: отделения салаг или уборщицы лаборатории бабы Клавы и двух подопытных крыс.

Есть, конечно, люди независимые, но в независимости этой, которая со стороны многим кажется свободой, столько же неприкаянности, неуверенности и тоски... Это я знаю точно.

Кто мой визави по положению? Отдающий приказы или исполняющий? Этого я пока не понял.

– Проведите экспертизу, – посоветовал я Данглару. – Это поможет.

– Поможет? Что поможет, господин Дронов? И чему?

– У Алины оставалось еще несколько таблеток. Она предлагала мне попробовать, но я отказался.

– Видите ли, господин Дронов... Еще до моего приезда и за время нашего разговора в гостиной мои сотрудники тщательно обыскали номер и осмотрели все вещи Алины Арба-

своей. Ничего похожего на таблетки, наркотики или даже на упоминаемую вами коробочку в номере не найдено. Ничего экстраординарного, вы поняли, господин Дронов, не обнаружено. И это – факт.

– Я понял, господин Данглар. Только...

– Что – только?

– До вашего приезда здесь толклось много людей.

– Это были мои люди. Они очень хорошо обучены и дисциплинированы.

– Верю. Были и гостиничные. Персонал. А коробочка с таблетками ма-а-аленькая, неприметная.

– Я учту это, господин Дронов, – холодно кивнул Данглар. – Но своим сотрудникам, их профессионализму и вниманию я доверяю больше, чем вам. Надеюсь, вы извините меня за это.

– О да.

– И еще, господин Дронов. Вы рассказали о стычке с постояльцами отеля, которые сопровождали Арбаеву.

– Да, и это правда.

– Так вот, Иван Савин послал на место происшествия автомобиль. На шоссе никого не оказалось. И ничего, кроме битого стекла.

– Выходит, на попутке добрались. Или на такси.

– И еще, господин Дронов. К нашему вящему сожалению, никаких новых постояльцев с указанными вами Ивану Савину приметами в гостинице вчера не регистрировалось.

– Значит, девушка ошиблась. Но прилетели они одним бортом с ней. – Внезапно я осекся, помолчал, добавил: – Может быть. – Потер озадаченно макушку.

– Что-то вспомнили еще, господин Дронов?

– Нет. Просто подумал, что эти парни могли уже и улететь ближайшим рейсом.

– Бортов ночью с острова не было.

– Частным самолетом, яхтой, катером, вплавь.

– Вплавь? До материка? Забавно. Но вам, я вижу, совсем невесело.

– Совсем, – подтвердил я кивком.

У моего собеседника в кармане озабоченно запиликал мобильный. Никакого Моцарта и прочей романтики – отрывистые, раздражающие переливы офисного пошиба.

Ален Данглар деловито поднял аппаратик к уху. С полминуты слушал, кивнул, нажал отбой.

– Поскольку вы уже все одно расстроены, господин Дронов, я вас еще немного огорчу, а?

Что я могу объяснить этому породистому англосаксу и французскому барону? Что слово «огорчить» имеет в моем родном отечестве вполне определенный смысл? И вовсе не тот, что на Западе?

– Если только немного, – ответил я и растянул губы в евроамериканском невеселом оскале «cheese».

– На остров вылетел господин Арбаев.

– Надо полагать, с чадами и домочадцами.

– Вы думаете, он привезет всю семью?

– О нет. Только дюжину пареньков с душами жесткими, как наждак, и массой огнестрельного железа.

– Вы находитесь в цивилизованной стране, господин Дронов, и под защитой закона.

Сказать ему, куда он может засунуть свой закон, если Александр Алиевич Арбаев решит «отвязаться» здесь взрослому? Не, не буду. Барон все-таки. Мой ответ покажется аристократу бестактным и не соответствующим истине.

– Вы, кажется, усомнились в силе закона?

– Усомнился, – сокрушенно кивнул я.

– Напрасно. Закон поддерживают вовсе не пушки, авианосцы и пистолеты. Его поддерживает авторитет людей, которые отдают приказы.

– Это ново.

– Господин Дронов, вы в вашей России совсем не уважаете закон, а он есть, смею вас заверить. И потому ни сам Арбаев, ни один из его людей не ступит на землю Саратоны, если не будет выполнять установленные здесь правила. И первое и главное из них – никакого оружия.

– Прямо по Хемингуэю: «Прощай, оружие». Разъяренный Александр Алиевич может и не выполнить эти ваши правила. А человек он скорый на действие и весьма темпераментный. – Я задумался на секунду, добавил: – Видимо, дочь была в него.

– Он ничего не нарушит. Он же человек денег, не так ли?

– Да.

– В случае малейшего отступления от принятых установлений ему будет отказано в деловых контактах. Везде. Повсеместно. И как только его компания станет превращаться в убыточное, раздавленное собственным весом убудочное предприятие, он сам станет никому не нужен и не интересен. И в вашей стране тоже. Улавливаете мысль?

Я кивнул.

Не знаю, что побудило Данглара задать следующий вопрос: то ли мой рассеянный и усталый взгляд, то ли общая понурость, что присутствовала в облике моем теперь, на самой окраине ночи.

– Скажите, господин Дронов, вы любите Саратону?

– Мне здесь тепло.

– О нет. Вы поняли, что я имею в виду.

– Один мудрец сказал некогда: «Когда дворец блещет убранством, поля засоряют сорняки и житницы стоят совсем пустые. И надевать при этом яркие наряды, носить отборные клинки, чревоугодничать, купаться в роскоши – это зовется воровской кичливостью».

Данглар поморщился:

– Таков мир, нет? А сказано красиво. Наверное, кто-то из францисканцев?

– Нет. Лао-цзы.

– Значит, мир таков всегда и везде. «И ничего нет нового под солнцем». Вас это занимает?

– Время от времени. Когда случается что-то, что я хочу и не могу для себя объяснить.

– Например, самоубийство молодой, красивой девушки, для которой этот мир – свой? – Барон Данглар повел рукой над сияющей Саратоной.

– И это тоже.

– Размышления над Лао-цзы, Монтенем, Ларошфуко, Паскалем, как и над Библией, я для себя оставил на пенсионные годы. И вам советую. Трудно жить, постоянно тревожа себя поминанием несовершенства мира, если вы не философ или не монах. А вы ведь не монах, господин Дронов... Пройдемте в гостиную.

Префект усадил меня за стол, сел напротив, выудил из папки бумагу, пододвинул мне:

– Полагаю, вы знаете, что это такое. Вам запрещено покидать Саратону до особого распоряжения. Распишитесь снизу. И пожалуйста, не делайте попыток ускользнуть с острова. Хотя вы здесь всего полгода – но должны уже осознать: э т о остров контролируется очень хорошо.

– А как же за девушкой не уследили? – не удержался я.

Ален Данглар промолчал. Бледная голубизна его глаз сделалась словно дымчатой, и смотрел он сквозь меня – спокойно и безразлично.

Я пробежал глазами документ и расписался.

– И поверьте: вашей жизни ничто не угрожает. А уж Арбаев или его подручные – и подавно. Можете не беспокоить-

ся. Те, кто отдает приказы, – барон сделал соответствующую паузу, – привыкли к тому, что они выполняются беспрекословно.

Ну да. Беспрекословно. И – никак иначе. Кто-то приказал Арбаевой стать звездой – и она прыгнула с крыши. Так что можно не беспокоиться. Совсем.

Глава 12

Жизнь такова, что любое событие или явление, каким бы страшным или шокирующим оно ни показалось нам в самом начале, со временем превращается в нечто обыденное. Люди привыкают и к красоте, и к уродству, но считают притом, что все, чем наградил их Господь – здоровьем, собственностью, благополучием, – правильным и законным. Как и то, что это теперь навсегда. А любую свою потерю или даже расхождение жизни окружающей с той, какую они для себя выдумали, полагают тяжелой и горькой несправедливостью. Таков мир.

Саратона жила своей жизнью. Возможно, происшествие и смутило кого-то своей жестокостью или, скорее, своим несоответствием устоявшемуся миру Саратоны – праздному и роскошному... Это длилось уже не одно десятилетие, отчего и роскошь, и праздность выглядели здесь не излишествами вовсе, а как бы частью природы. Гибель Арбаевой если и могла притушить танцующий ритм ночной Саратоны, то лишь на минуту, какая в теплой ночи ощущается лишь как мгновение; потом все пошло своим чередом.

А я шел по улице и размышлял. Мысль о том, что любое событие жизни подготовлено всей твоей жизнью предыдущей, как и тем, насколько ты был отважен, целеустремлен и самоотвержен, не окрыляла. Потому что часто в стремлении к какому-то достижению или тому, что этим достижением

мнится, человек пренебрегает той жизнью, какая есть, а в худшем случае – наступает на горло и собственной песне, и окружающим. И жалуется потом, что ему «трудно дышать в этом затхлом мирке».

Я проходил каким-то тихим проулком, когда... Треск раздираемой штукатурки прямо над ухом и – горячая волна, обдавшая голову и на миг сжавшая сердце, чтобы следом заставить его биться шумно и стремительно...

Пуля ушла в пространство неба, сам выстрел был беззвучным, но – мигом превратил философствующего обывателя Дронова в сбрендившего сайгака. Я понесся вниз по улице, меняя темп и направление, с завидной лихостью; оказался на освещенной площади, где было еще достаточно много гуляющих, танцующих, играющих на гитарах и барабанах, и – полетел по площади, словно парусник без руля и ветрил, неожиданно меняя галсы так, что просчитать движение сего «летучего голландца» не смог бы никто, даже он сам.

Проскочил по тишайшему проулку, вверх, пробежал еще несколько перекрестков, и только там голову мою посетила мысль простая и содержательная: «Если бы хотели застрелить – уже бы застрелили».

Я остановился, сердце билось бешено, заставляя меня чуть не пританцовывать; оно не хотело верить доводам рассудка и продолжало пожирать адреналин, тихонько ликуя: «Промахнулись... промахнулись... промахнулись...» и повторяя притом с затаенным холодком: «Будут стрелять еще...

еще... еще...»

Страх – плохой советчик. И плохой защитник. Человек словно хочет превратиться в самую малую малость, сжаться в снежный комочек, замереть в оцепенении, чтобы беда не разыскала его, прошла мимо... Но... От пули не убежишь. Если я допустил где-то ошибку, то исправлять ее нужно не беготней, а размышлением, разумом и интуицией. Но...

Волей сердца не успокоить.

И все же несколько минут спустя я присел за столик в уличном кафе. Усталый официант принес двойной эспрессо, шоколад и ушел смотреть телевизор.

Уже после первого глотка я понял, что все посетившие мою голову накануне выстрела мысли в данной ситуации стоит отнести к чистой фрейдядине: думать нужно о том, что произошло, и думать предельно конкретно.

Итак. Первое. Стреляли в меня из бесшумной винтовки с оптическим или ночным прицелом, судя по величине и узо-сти улочки и по тому, как пуля, раскрошив штукатурку, сри-кошетила в пустое ночное пространство, под изрядным уг-лом, но со сравнительно небольшого расстояния. И первым моим порывом, так взволновавшим бедное сердце, было – бежать куда подальше – как раз потому, что разум цепко хра-нил все предположения Алена Данглара, а одно из них зву-чало так: Дронов убивает Арбаеву, некто убивает Дронова, и – никаких концов.

Но...

Ни один профессионал не промахнется, стреляя из винтовки с такого близкого расстояния. А то, что эту игру затеяли не любители, понятно по организации безвременной кончины Арбаевой: надо же закрутить все эдак лихо, и притом ни сучка не оставить, ни задоринки!

Вывод: меня хотели не убить, а испугать. Вывести из равновесия – так будет точнее. Чтобы я перестал думать о вечном и начал размышлять о бренном, сиюминутном, но для меня сейчас отчаянно важном: о том, как выжить, как выйти из непонятной и опасной ситуации, в которую... завели обстоятельства? Жизнь? Прошрое? Или – люди, знакомые с этим моим прошлым и решившие, что этот «пончик» на них еще поработает?.. Нет в мире совершенства.

И на этом прекрасном острове – тоже, несмотря на заверения барона Данглара в полной и окончательной победе Закона и порядка на вверенной ему территории. Здесь не только морды бьют и с крыш сметають незлым тихим словом, но и постреливають незлыми тихими пулями – так, для остратки, для обострения, так сказать, чувственного восприятия, а также умственных и иных способностей индивида по фамилии Дронов и быстрой активизации у оногo некогда имевшихся умений и навыков. Или барон не лукавил? И этот остров действительно контролируется х о р о ш о? Самим бароном Аленом Дангларом или «теми, что отдають приказы» и привыкли к безукоснительному их исполнению?..

Откуда будем танцевать? От печки – или... Поскольку пе-

чек на этом распрекрасном острове не водится, остается «или».

То, что Арбаеву довели до самоубийства или принудили к нему, – для меня факт. Каким образом? Версии всего две: предположим, она влюбилась. И этот ее пассия разыграл из себя звездного демона и запорошил девушке мозги. А потом – при содействии неведомого наркотика – пригласил прогуляться по просторам Вселенной. Это первая. И вторая: девушка была закодирована на определенное воздействие. Некто позвонил ей, активизировал код, и – до свидания. Возможно, активизация кода имеет несколько этапов. Начальный был проведен еще до нашей встречи: Алина уже тогда рассуждала как в старинной песенке времен культа личности: «Я из пушки в небо уйду, тибби-тиби-ду...» Звонок лишь завершил активизацию.

Что еще? Программа кодирования для Арбаевой была составлена индивидуально, с учетом ее пола, возраста, особенностей характера, психики, темперамента... Это сложная и трудоемкая работа, требующая присутствия хорошего специалиста и определенных технических средств. Требуемая еще и времени. Кто и как смог провести ее с дочерью мультимиллионера? И – где?

И наконец, таблетки. Как выразился Ален Данглар – «для свежести дыхания». Стоп! Может быть, это такой наркотик, который позволяет произвести кодирование скоро и непринужденно, безо всяких технических наворотов? Мо-

жет быть. Вот только снадобье исчезло. Бесследно.

Я спросил еще кофе. Сердце ныло, и на душе вдруг сделалось тоскливо и горько. «Здесь, под небом чужим, я как гость нежеланный...» – заklubилась в моем воображении мелодия, и очень захотелось домой. Вот только где мой дом?

Глава 13

В углу кафе стоял старинный телефон-автомат. В такой некогда бросали двадцатипятицентовые монеты. Сейчас можно было воспользоваться карточкой, но в остальном – внешний вид сохранили, и смотрелся здесь ветеран стильно и даже нарядно.

Я набрал нужный номер, выслушал три гудка.

– Да, – ответил мне хриплый голос. Это был Диего Гонзалес. Понятное дело, в полчетвертого утра он спал.

– Диего, мне нужна твоя помощь.

– Сейчас?

– Да.

– Ты где?

Я задумался на мгновение. Если я соображаю правильно, то место не имеет значения. И назвал кафе.

– Буду, – просто ответил Диего и положил трубку.

Человеком Диего был вдумчивым и немного-словным. И лет ему было порядком, где-то за шестьдесят. Сухой, жилистый, но порою несколько меланхоличный, он производил впечатление тугодума и покладистого малого; это обманывало многих. На самом деле Гонзалес был скор, собран и цепок. Если он сказал, что будет, то будет в кратчайший срок. Ровно через столько, сколько ему понадобится, чтобы одеться и домчаться сюда на выдавшем виды «форде».

Автомобиль Гонзалеса, как это всегда бывает с машинами и собаками, был похож на хозяина. Весьма непрезентабельный американский «форд» десятилетней давности был на высоких рессорах, словно приподнявшийся на лапах гепард, обладал великолепным мотором, какой Диего самолично перебирал время от времени до винтика; и бензин, и масло заливались только наилучшего качества, протекторы были самые дорогие, а потому невзрачная машина могла выполнять почти все, что желал ее хозяин; возможно даже взбираться на вертикальные стены и крутить кульбиты.

Я примерно рассчитал время приезда Диего и заказал себе еще кофе и ему – кофе с ромом. Когда Гонзалес появился и молча присел рядом со мною за столик, принесенный официантом кофе был еще достаточно горяч, чтобы не быть приторным, и остыл ровно настолько, чтобы выпить его можно было, не обжигаясь, в три глотка. Свою чашку я уже опустошил на треть.

Гонзалес посмотрел на меня, пригубил ром, сделал глоток кофе, спросил:

– Едем?

– Да.

– Сейчас?

– Есть время на чашку кофе. Чтобы ты понял, куда нам следует ехать. И сообщил мне.

Диего кивнул.

Я кратко пересказал ему перипетии минувшего вечера и

ночи. Но не все. Гонзалес смотрел в ведомую лишь ему точку, и было не понять, слышит ли он меня вообще или просто передремывает прерванный сон с открытыми глазами. Лишь время от времени он прикрывал желтые тигриные глаза набрякшими и чуть оплывшими ото сна веками, словно стараясь за это время не только запомнить сказанное, но и поместить новую для него информацию в нужный отсек памяти.

Когда я закончил, он допил оставшийся глоток кофе. И вопрос задал только один:

– Ты думаешь, твои русские еще на Саратоне?
– Да. Ведь кто-то же в меня стрелял.
– Они – мелкие сошки, сделали дело – их уже и след простыл.

– Это если по правилам. А кто их теперь выполняет?

– Это да.

– Да и экономия.

– Может, их уже – того?

– Закопали?

– Да. Из экономии.

– Вряд ли.

– Почему?

– Есть у меня два соображения.

– И?

– Я над ними пока думаю.

Диего кивнул, так и не подняв на меня взгляда.

– А теперь думай ты, Диего. Они сейчас должны уходить с

острова. Чисто. Учитывая то, что господин Данглар мужчина серьезный и информаторов у него здесь больше, чем блох у собаки, – какой путь они выберут?

– Ты хочешь с ними потолковать?

– Если удастся.

– Смысл? Скорее всего – просто наемники.

– Вот я и хочу узнать, кто их нанял.

– Они сами это знают? – риторически спросил Диего.

Я только пожал плечами. Очень даже возможно, парням дали краткую инструкцию на мой счет, не посвящая ни в какие детали. Они ее старательно выполнили. И о чем бы кто бы их ни спросил, даже очень навязчиво, будут безгрешно лупить ресничками: на «нет» и суда нет.

Диего тем временем раскурил сигару, пыхнул. Спросил:

– Ты все мне рассказал, Дрон?

– Нет. Только то, что посчитал необходимым.

Диего кивнул. Допил кофе, спросил:

– Как на твой вкус – ребята отчаянные?

– Более чем.

– Тогда – поехали.

– Далеко?

– Туда, где Алэн Данглар искать не будет.

Глава 14

Автомобиль съехал с шоссе и помчался по равнине. Диего сосредоточенно сжимал руль. А я размышлял.

Самое противное было в том, что я опознал в них своих. Ребята из конторы. И вряд ли бывшие. Как у классика? «Ковбои на лошадях как-то криво скачут. И даже у лошадей – наши морды». Почему я об этом сразу не подумал?

Стереотип, ходить ему конем. Он всегда работает безотказно. Да и ситуация «знакомства» на ночном шоссе оказалась очень динамичной. Не до размышлений было. Или – постарел?

Нет, ребята на шоссе отработали роль «нормальных пацанов» без затей, но очень грамотно. Да и бил я со зла по полной. Вот только взгляд. Один из парней посмотрел на меня, словно на подопытного... Пожалуй, это был единственный его прокол. А потом он, как и его напарник, сыграл в поддавки.

Взгляд... А я даже не обеспокоился в кураже и гордыне... Богатые пляжи, теплые ночи, близкие звезды... Короче, праздник. Слабительное для мозгов.

– Бывает, – откликнулся Диего.

Последнюю фразу я произнес вслух. И так, «двое из ларца, одинаковы с лица».

– Может быть, объяснишь? – спросил я Гонзалеса.

– Что именно?

– Далеко ли едем?

– Уже нет.

Трудно холерику ладить с флегматиком. Который к тому же экономит слова, словно от этого зависит его благосостояние. Я бросил на Диего взгляд, заметил его ухмылку и помотал сокрушенно головой:

– Ну ты и мстительный мастодонт, Гонзалес!

– Ты тоже хорош, Дрон. «Сказал только то, что посчитал необходимым».

– Ладно, Диего, без обид.

– Без них.

– Выкладывай.

– Ален Данглар тебе не соврал: уходить этим ребятам на яхте, рейсовым или частным бортом или даже «вертушкой» – не получится: здесь у префекта действительно все схвачено, да и радары: доложат немедленно, а он уж найдет, как распорядиться полученными сведениями. Даже если их возьмут на материке, далеко они не утопают: Саратона – остров специфический, ты же знаешь, и барон Данглар в иных своих приказах – весомее генерала; Интерпол, береговая полиция, да кто угодно – на уши встанут, чтобы выполнить его распоряжение.

– Боятся, что накажут?

– Наказание, конечно, хороший стимул, но для низших животных. Для людей важнее поощрение. Выполнение даже

просьбы Данглара, а он и приказы всегда отдает очень вежливо, открывает для любого чина на материке путь к скорой карьере. Вот и прогибаются. Благодисклонности нашего дорогого барона стремятся добиться очень даже высокие чины Евросоюза. Почему, тебе объяснить?

– Он близок к сильным мира.

– Он очень к ним близок. Он – один из них.

– А держится скромнягой.

– Положение некоторых людей – и не только на Саратоне – таково, что им нет нужды его демонстрировать: все посвященные знают и так, а непосвященным – и знать необязательно.

– Ты – знаешь. Ты – посвященный?

– Н-н-нет. Просто я долго на Саратоне.

Гонзалес запнулся в ответе, или мне показалось?

– Так далеко мы едем?

– Почему ты не спросишь просто: куда?

– В России спрашивать «куда» – плохая примета.

– Недалеко. На северо-запад.

– Если мне не изменяет память...

– Не изменяет. Берег там высок и скалист.

– Дельтаплан?

– Или парашют-крыло.

– Если Данглар начнет облет острова по периметру вертолетами...

– Начнет. Если будет повод. Им нужно успеть досветла.

– Но ведь в той стороне – только океан.

– Там – фарватер. И протянуть по ветру на «крыле» им нужно где-нибудь шесть-семь миль. А потом – какой-нибудь научный пароходик типа «Михаила Лермонтова» подставит им белую палубу... Когда-то в а ш и делали именно так.

– Да? А я не знал.

Гонзалес только усмехнулся.

– Диего, тебя ничего не смущает?

– Нет. А что?

– Оружие. У них есть оружие. У нас – нет.

– Полагаю, у них уже тоже. Тянуть с собой – тяжело и опасно.

– Будем надеяться, что они так и думают.

– Будем надеяться, – в тон мне ответил Диего. – Но – не рассчитывать.

Наш «форд» катил уже вдоль побережья. Все габаритные огни Гонзалес выключил еще когда мы убрались с шоссе, загнал неприхотливую свою «лошадку» на самый высокий склон, и теперь автомобиль катил на нейтралке совершенно бесшумно.

Утренний сумрак едва-едва проступал на востоке, оттого северо-запад казался еще больше погруженным во тьму. Ну не пешком же они сюда притопали! Диего достал с заднего сиденья сумку, оттуда – прибор ночного видения: всем спасателям такие были выданы по работе; последняя модификация, довольно компактный. Я надел.

В инфракрасном спектре пустынный и диковатый северо-западный берег Саратоны напоминал марсианский пейзаж. Мы беззвучно катили уже минут семь, когда я разглядел в наплывающем сумраке автомобиль и двоих людей.

– Я их вижу, – почему-то шепотом сообщил я Гонзалесу.

– Будем надеяться, что они нас пока – нет, – спокойно ответил он, вдавил педаль тормоза и для верности поставил автомобиль на ручник. Автомобиль замер, словно призрак.

Мы просидели молча с полминуты.

– По-прежнему хочешь потолковать?

– Хочу.

– У твоих сограждан крепкие нервы?

– У кого как.

– Хорошо бы, чтобы без истерик. Особенно если они при оружии. – Диего посидел молча, протянул мне микрофон: – Вещай. А я включу иллюминацию. Как думаешь, они обрадуются?

– Сейчас увидим.

Глава 15

Мне жутко хотелось курить. Но времени не было даже на то, чтобы найти нужные слова... Вождь всех народов умел – в тяжелую годину: «Братья и сестры! Граждане и гражданки!» Хорошо. Задушевно. По-доброму.

Прожектора на крыше и фары зажглись одновременно и залили машину и двух парней рядом ослепительно белым галогенным светом.

– Привет, земляки, – сказал я по-русски. – Или лучше – коллеги. Я – Олег Дронов. Приехал с вами поболтать о жизни, если вы не против. Слишком уж много неприятностей свалилось на мою голову минувшей ночью.

– Чего ты хочешь? – прокричал в ответ один из них.

– Рассудить, что и как. Я без оружия и готов подойти.

– А если мы против?

– В руке моего друга – мобильный. Сообщение уже надиктовано. Стоит ему тиснуть кнопочку, и оно уйдет в эфир. Минут через семь берег оцепят патрульные, сверху зависнут вертолеты, и вы удостоитесь чести быть представленными Алену Данглару. Сами понимаете, положение ваше станет совершенно бесперспективным.

– А сейчас какие перспективы?

– Поболтаем – и летите сизыми селезнями.

Их совещание было недолгим.

– Подходи.

Диего наклонился ко мне:

– Дрон, а ты уверен?

– О-хо-хо, – только и выдохнул я, выцепил из пачки сигарету, прикурил, прыгнул с подножки и вразвалочку пошел к автомобилю и замершим рядом мужчинам.

Да. Я не ошибся. Профи чистой пробы. Ни суеты, ни страха – ни в позах, ни в глазах. Только готовность – отреагировать на любое изменение ситуации. И еще – та же дурина в зрачках у обоих: то ли кураж, то ли – веселая тигриная бесшабашность сильных, у каких опасность вызывает приятное, ни с чем не сравнимое чувство полета.

– Что ты хотел спросить? – произнес тот, что постарше.

– Да о погоде и вообще... Как там в Москве, дождичек моросит?

– Время от времени.

– А грибы пошли уже?

– Угу. Строем. И с песней.

– Алину Арбаеву вы где встретили?

Они переглянулись: отвечать правду, соврать, промолчать? Видимо, никаких прямых инструкций не было.

– А тебе зачем?

– Убили ее.

Тот, что постарше, помолчал, потом произнес:

– Бывает.

Да. Бывает. Но у меня возникло четкое ощущение, что

об устранении Арбаевой их не предупреждали. Совсем. Возможно, оно и не планировалось. Вернее, планировалось, но другой командой. Совсем другой. Им неизвестной.

– Александр Алиевич Арбаев уже летит.

– Нам что за дело.

– Это вам сейчас – нет. А в России? Арбаев – не пешка.

Старший только усмехнулся:

– Сейчас другие времена. И где завтра будет Арбаев?

– Стенку зачем покروшили?

– Стенку? Какую?

– Над моей головой.

– Тебе бы, товарищ Дронов, романы писать.

– Писал бы. Но настоящая литература требует досуга и неторопливости.

– Досуга здесь навалом, – сказал другой.

– И люди никуда не торопятся, – поддержал его первый.

– Они нигде никуда не торопятся. Просто – суетсяя, – резюмировал я.

– А ты неплохой парень.

– Да и вы ребята – ничего. Зачем драться начали?

– Тебе что-то ответить, Дронов?

– Не нужно.

– Тогда и не спрашивай. И приятелю своему скажи – отключил бы он иллюминацию.

– Раздражает?

– Нет. Напрягает.

– Вы мужчины сдержанные.

– Не всегда. Разойдемся по-хорошему?

– А по-плохому и не получится.

– Да?

– «А коль придется в землю лечь, так это – только раз...»

– напел я.

– Невеселый мотив.

– Старенький.

– И вообще – светает. Ты узнал, что хотел?

– Не вполне. Но я – доволен.

– Это радует.

– «Долетайте до самого солнца и домой возвращайтесь скорей...» – снова обратился я к песенной классике.

– А ты веселый парень, Дронов.

– И находчивый, – подтвердил я. – Вам это говорили?

«Двое из ларца» переглянулись.

– Зачем им нам что-то говорить? – наконец сказал один.

– Это да, – подтвердил я. – Солдаты – как дети, убьют – не заметят. – Помолчал, допалил сигарету. – А генералы – тем более. Не говоря уже об адмиралах.

Мужчины промолчали. А что они могли мне сказать? Ничего.

Я сделал рукой «о`ревуар», кивнул на брезент, под которым наличие парашютов угадать было нельзя:

– Попутного ветра, птицы наши, – развернулся и пошел прочь. Не знаю, была моя спина напряженной, нет... Солдаты

— как дети...

Когда я подошел к машине и оглянулся, парней ни у машины, ни на обрыве уже не было. Еще через минуту в темной мгле я не увидел даже — угадал темные крылья парашютов. Их поднимало встречным потоком и несло прочь с этого госте-приимного острова.

А на востоке уже занимался рассвет. На Саратоне слишком много огней, чтобы восходом можно было любоваться каждый день. И еще мне подумалось вдруг: рассветы хороши, но людей волнуют закаты, когда знойный день вдруг превращается в странное, сумеречное пространство, и все, что было так знакомо днем, вдруг видится другим, приобретая иные краски и очертания, а то и вовсе теряясь в пространстве ночи... И над всем этим господствуют звезды, напоминая нам о том, что и это пройдет.

Глава 16

Гонзалес развернул автомобиль, и мы поехали домой.

– Хорошо поболтали? – спросил Гонзалес.

– Душевно.

– Узнал что-то новое?

– Скорее старое.

– Да?

– Если какая-то неприятность должна случиться, она случается.

Диего поморщился:

– Еще что-нибудь?

– Из всех неприятностей случается именно та, ущерб от которой больше.

– Ты стал оптимистом.

– Просто устал.

– Поспи. Только скажи перед сном хоть что-то доброе. Не то тебя будут мучить кошмары.

– Мы победим.

– Кого?

– Всех. Так лучше?

– Еще бы. А кто – «мы»?

Я ничего не ответил. Меня сморило, как только я привалился к сиденью. Вот только... Я спал и не спал: чувствовал толчки, скорость, аромат сигары, знал, что еду в машине с

Диего Гонзалесом, и в то же время – видел странную церемонию: Диего Гонзалес, в черном камзоле и белоснежных кружевах воротника, с хищной эспаньолкой и при шпаге, стоял на ступенях Прадо испанским грандом, царственно приглашая меня взглянуть на картины кисти Гойи... Но из картин я увидел почему-то только одну: четверо мужчин в треуголках у загона, с ними – женщина, и лица всех четверых прикрыты личинами... И только один, сидящий с краю, – с открытым лицом, и в руке его хлыст. И я попытался всмотреться в его лицо и, кажется, даже узнал, – но нет, очертания расплылись, и вместо этого я услышал вкрадчивый голос: «И ты станешь звездой, или каплей росы, или океаном... Ты станешь всем, чем только пожелаешь, и будешь всегда... Как солнце на небе, как вода в реках, как несокрушимые твердыни скал... Ты станешь всем... всем... всем...»

Наверное, я застонал, потому что почувствовал, как Диего тронул меня за плечо. Открыл глаза. Мы уже проскочили Саратону, и до нашего пристанища оставалось не более десяти минут пути.

- Говорил тебе – думай о хорошем.
- Я пытался.
- Ты стонал во сне. Что тебе снилось?
- Личины.
- Это из которых бабочки?
- Это которыми люди прикрывают лица, чтобы оставаться неузнанными.

– И ты их не узнал?

– Нет.

Гонзалес покачал головой:

– Неузнанным можно остаться только в толпе.

– Думаешь?

– Проверено. Там нет ни личин, ни масок. Толпа сама – единое существо и подчиняет всех своим законам. Индукция.

– Мудрено.

– Но верно. Думай о хорошем.

Легко сказать. Итак, что у нас хорошего? Подставили меня профессионалы из конторы. Грамотно. Качественно. По полной. Зачем? Чтобы шевелился? Нет. Чтобы шевелил извилинами.

А что это означает? Только одно: где-то уже происходило нечто подобное. Кто-то где-то вскрывал вены, прыгал с небоскреба или просто с шестнадцат этажки, топился в ванне, стрелялся из пистолета?..

Что еще? Если где-то что-то произошло так, что обратили внимание наши, значит, обратили внимание в с е. И скоро здесь будет жарко, как... Угу.

– «Долетайте до самого солнца и домой возвращайтесь скорей!» – напел я вслух.

– Кажется, ты успокоился, – отреагировал Гонзалес.

Я перевел ему песенную строку. Умный Диего даже не улыбнулся: процитировал афоризм Ларошфуко:

– «На солнце и на смерть нельзя смотреть в упор».

Я тоже решил поумничать, ответил знаменитым прутковским:

– «Взирая на солнце, прищурь глаза свои, и ты смело разглядишь на нем пятна».

– И какие пятна видишь ты?

– Пока не вижу. Но – чувствую. Диего, анекдот хочешь?

– Смешной?

– Жизненный. После посещения американцами Луны вызывают нашего Гагарина в ЦК и говорят: «Товарищ Гагарин, американцы опередили нас в освоении космоса – покорили Луну. Они сейчас первые. Этого допустить мы не можем. Готовьтесь, завтра полетите на Солнце». Тот в ответ: «Товарищи, как же можно, я же там сгорю!» – «Товарищ Гагарин, в ЦК тоже не дураки... Ночью полетите».

– Это – жизненный?

– Ага. Знаешь, Диего, у меня такое чувство, что на Солнце меня уже запустили. Ночью. И время старта я прозевал.

Диего прикурил затухшую сигару, пыхнул, покачал головой:

– Зачем так мрачно? Что говорят факты? Они говорят только то, что с крыши упала дочь одного из ваших нефтяных магнатов. Не первого даже ряда богатея. И – все.

– Ей приказали прыгнуть с крыши. Ее этим... соблазнили.

– Сюжет не новый, – спокойно отреагировал Гонзалес. –

Но действенный. Она была христианкой?

– Вряд ли.

– Она не знала сказанное: «Не искушай Господа Бога своего». Вот и погибла.

– Кто-то показался ей богом.

– Кто?

– Тот, кто расцветил для нее мир иллюзиями.

Диего только покачал головой:

– Мир порою скучен. Но скука не вовне, а внутри человека. Она – как маета: изматывает, но ничего не дает взамен.

– Вот и я порою маюсь.

– С чего?

– Не с чего, а чем. Дурью. Есть такое русское выражение: «дурью маяться».

– Не понимаю тебя.

– Я и сам себя порой не понимаю.

Ну да. Не понимаю. Потому что боюсь этого понимания. Того, что жизнь проходит, что время истекает, как струящаяся вода сквозь пальцы, если опустить руку в ручей... Только раньше ручей был глубоким, чистым, звенящим, а теперь – словно унылая череда минувшего замутила все взвесью песка и ила, и ручей едва движется под пальцами, и зарастает ряской... И ты вдруг понимаешь, что здесь – не твой дом, что ты живешь по-пустому и что разговоры твои пустые хотя бы потому, что люди рядом с тобой – с такой же мутой минувшего в душе, и ты не знаешь их жизни, и оттого не можешь

посочувствовать им искренне, и оттого — их искреннего со-
чувствия не ждешь, и остаешься одиноким под этим небом...
Отчего все так? Бог знает.

Глава 17

На подъезде к нашим четырем вагончикам стояла карета «Скорой помощи» и лощенный «хаммер». «Хаммер» я узнал, да и номера были именные: АМД-001. Ален Морис Данглар. Префект и верховный главнокомандующий здешних мест. И – какая неожиданность – рядом с префектом стояли двое карabinеров, вооруженные скорострельными «скорпионами».

Из автомобиля Диего я буквально вывалился и побрел, пошатываясь от усталости. Ребята с автоматами смотрели на меня хмуро. На Диего – тоже. Еще бы. Перспектива перестрелки, в которой можешь ты, а могут и – тебя, их явно не радовала. Слишком здесь всегда было спокойно. И – красиво. И – естественно. Даже проститутки и те – как новенькие сотенные евро – красивы, молоды и владеют языками. Погибать здесь служилому человеку, как в какой-нибудь намибийской пустыне?.. Гнуснее не придумаешь.

Ален Данглар вышел из вагончика, посмотрел на нас. Я бы и счел этот взгляд пронизывающим, если бы не знал, что господин префект, как и я, грешный, этой ночью не сомкнул глаз.

– Говорить «доброе утро» не имеет смысла, раз уж вы здесь, – сказал я Данглару.

– Да, сейчас это неуместно, – устало кивнул тот.

– Кажется, на Саратоне кто-то совсем перестал чтить За-

кон...

– Не связывайте это с господином Арбаевым. Ему позволили, он все понял правильно, и в Саратоне с ним только два референта. – Он помассировал веки, прикрыв глаза, поздоровался за руку с Гонзалесом, вздохнул.

– Что-то серьезное? – спросил Диего.

– Да. Очень. Сегодня ночью погиб... Эдгар Антуан Сен-Клер-младший.

Пауза затянулась. И не мудрено. Эдгар Антуан Сен-Клер-младший, молодой человек двадцати семи лет от роду, доктор экономики и права, был единственным прямым наследником и приемником барона Эдгара Антуана Сен-Клера-старшего, владельца и управляющего Кредитным расчетным банком Цюриха. И все бы ничего, банков в Швейцарии почти как бензоколонок в Неваде, вот только... На самом деле Кредитный банк был и остается головным учреждением ЕАБК – «Еуропиен ассосиэйшн бэнкс компани», одной из ведущих мировых банковских группировок; сами себя они называют банковскими клубами, чьи суммарные активы составляют, даже по трезвым оценкам, свыше семисот миллиардов евро. Что такое семьсот миллиардов евро – представить себе невозможно, но вот почувствовать эту громадную финансовую мощь... Имя Сен-Клеров редко упоминалось в прессе, но... Это был могущественный клан.

– Упал на асфальт? – не удержался я.

– Нет. – Данглар помялся, произнес: – Утонул. – Помол-

чал, добавил: – На участке пляжа, где сегодня ночью дежурил Фред Вернер.

– Фред?! – воскликнули мы одновременно с Гонзалесом.

– Да.

– «Скорая» – к нему?

– Да. Он был в больнице, его перевязали, теперь – у себя.

– Он ранен?

– Гематома на голове.

– С ним... можно встретиться?

– С ним нужно встретиться. – Ален Данглар пересекся со мною взглядом... Не знаю даже, как это объяснить – взгляд Данглара показался мне потерянным, его голубые глаза словно потемнели, как темнеет море при надвигающемся шторме.

– У нас большие неприятности, – констатировал Диего.

– Да. У н а с большие неприятности, – резко отреагировал Данглар. – Можно сказать и хуже. Но не нужно. Полагаю, вы примерно осознаете, что будет дальше.

– Жаркий день.

– Очень жаркий, господин Дронов. Куда более жаркий, чем вы предполагаете. Хотя... вы можете з н а т ь. – Данглар уставился на меня в упор. Паника во взгляде исчезла, остались усталость и... холод.

– Вы тоже, господин Данглар. Вы тоже.

Диего Гонзалес заметно помрачнел. Дагадываюсь, о чем он думал. О двух русских, сиганувших с северо-западных

скал острова сорок с лишним минут назад. И о том, что они вполне могли поспособствовать безвременной кончине не только Алины Арбаевой, но и Эдгара Сен-Клера. И бы-ли отпущены после краткой беседы с третьим русским, Дроновым, на волю ветра и волн. И вряд ли Диего сейчас решает гамлетовский вопрос... Мужчина он взвешенный и спокойный. Вот только...

– Госпожа Элизабет Кински еще спит? – спросил Данглар.

– Уже нет, – услышали мы и увидели Бетти. Косметикой эта тридцатилетняя англичанка не пользовалась, лишь подкрашивала чуть-чуть густющие, спадающие до плеч волосы и ресницы. Удивительно, но в самое раннее утро выглядела Бетти хорошо отдохнувшей. – Как всякая женщина, я любопытна. А тут такой переполох в нашем сонном царстве.

– Я рад, что вы пробудились. И хотел бы попросить позволения сварить кофе.

– Я сварю вам кофе. Вернее – нам.

– Очень крепкий.

– Ваш вкус известен, господин Данглар, – улыбнулась девушка. – Насколько возможно крепкий и очень горячий. Сахар?

– Если можно, я сам, – замялся Данглар.

– Бросьте. Фреду – эспresso, без сахара, вам – по-турецки, с пол-ложечкой сахара, сахар и свежесмолотый кофе чуть прокалить, я ничего не упустила?

– Нет. Вам известны мои вкусы?

– Вы единственный светский островитянин. И единственный барон. Женщин это интригует. Про вас судачат в кофейнях. И не волнуйтесь. Я приготовлю хорошо. Дронов любит то же самое. По-турецки и с ложкой сахара. Что-то еще?

– Нет.

– А ты, Диего?

– Дрон приучил меня к чаю. Да и пожевать что-то пора.

– Пожалуй, займусь-ка чайком и бутербродами, – кивнул я Гонзалесу.

Вскоре мы уселись за длинным дощатым столом; первые пятнадцать минут все молчали, поглощая бутерброды с ветчиной и томатами. Данглар, даром что барон, уплетал за обе щеки.

Я зашел к Фреду. Спросил:

– С тобой что-то серьезное?

– Ничего. Шишка на голове. Я сейчас.

Фред появился, глотнул кофе, плеснул себе на самое донышко стакана коньяку из пузатой бутылки, выпил, закурил сигарету без фильтра.

Кофе был сварен еще, все замолчали, бросая взгляды на барона. Тот потер виски, положил на стол миниатюрный аппаратик, щелкнул тумблером.

– Полагаю, вы все знаете, что это такое. По моим сведениям, у всех вас было богатое прошлое.

Никто из нас не кивнул, но и не переспрашивал. А что, собственно, спрашивать? Приборчик исключал всякую и лю-

бую прослушку в радиусе тридцати метров, даже если кто-то и зачем-то установил в нашей открытой всем ветрам гостиную самую современную и дорогую аппаратуру. Называлась система защиты «Серый шум». Ну а что касается богатого прошлого... Никто не богат настолько, чтобы выкупить свое прошлое. Даже у собственной памяти.

Ален Данглар обвел нас взглядом, раскурил сигару, спросив предварительно разрешения у Бетти, откинулся на спинку плетеного кресла, и только теперь стало заметно, как он устал. И измотала его не столько бессонная ночь, сколько тревога.

– По большому счету, господа спасатели, положение таково, что... меня не интересует ваше прошлое. Меня интересует н а ш е будущее.

Глава 18

Ален Данглар молчал, взгляд его был отсутствующим, словно он решался сейчас на что-то, потом произнес:

– Эта ночь изменила многое в жизни Саратоны и, полагаю, не только Саратоны. Об этом мы поговорим чуть позже. А пока – давайте разберемся в ситуации. Я попрошу господина Дронова пересказать для всех вас то, что произошло с ним.

И я занялся устной беллетристикой. Признаться, минувшая ночь меня измотала совершенно, и хотелось лишь одного: искупаться и завалиться спать. Но я добросовестно исполнял просьбу-приказ префекта, естественно упуская детали. Ален Данглар попросил их не упускать. Спросил вдруг:

- Где вы были во время самоубийства Сен-Клера?
- Если вы уточните время, я вспомню.
- По показаниям господина Вернера, около трех часов полуночи.

У меня отлегло от сердца.

– Сидел в кофейне на Жасминовой улице.

– И что вы там делали?

– Кофе пил.

– Кто может это подтвердить?

– Официант. И – Диего Гонзалес.

– Это так, мистер Гонзалес?

– Да.

– Как вы оказались в кофейне?

– Мне позвонил Дронов и попросил приехать.

– Зачем?

– Он был, по понятным причинам, несколько расстроен.

Господину Дронову необходимо было дружественное сочувствие.

– Как благородно. Сколько вы там пробыли?

– Около получаса.

– Сюда вы приехали почти в шесть. Где вас носило?

– Катались.

– Катались?

– Точно так. Лучший способ развеяться и отогнать дурные

мысли.

Данглар покивал, усмехнулся криво:

– «И какой русский не любит быстрой езды!» Кажется, это из Достоевского?

– Нет, – вступил я в беседу. – Это Пушкин.

– О да. Извините мое невежество. Значит, катались?

– Да. С ветерком.

– Ну что ж. Пока у меня к вам вопросов нет. Послушаем господина Вернера. Вы готовы рассказать, что произошло на пляже?

– Да, – коротко кивнул Фред.

– Как вы себя чувствуете?

– Нормально.

– Прошу.

Фред закурил очередную сигарету.

– Мое дежурство проходило спокойно. Пару-тройку раз проехал вдоль берега – вы же знаете, он освещен, но скупо; в основном ночью – любовные пары на берегу...

– Знаю, можете не продолжать.

– Сен-Клер появился около двух. Я не знал тогда, кто это. Смотрю – высокий, атлетичный мужчина прогуливается по кромке волн... Одет он был в шорты и гавайскую рубашу. Очки ленноновские. Бродит, бормочет что-то...

– Это вы с катера рассмотрели?

– Да. В бинокль. К трем часам все парочки уже удалились, он один по пляжу слонялся. Походит, посмотрит на звезды, снова что-то бормочет... Ну я подумал – стихи, наверное. Да и похож он был на... странника.

– На странника? Объясните.

– Ходил, озибался по сторонам так, словно он чужой на этой земле. – Фред затянулся дымом, выдохнул, налил себе коньяку на донышко, вопрошающе посмотрел на Данглара, тот кивнул, Фред выпил глотком, продолжил: – Да. Словно чужой. Так со всеми бывает. Приляжешь в катере и смотришь на ночные звезды... И думаешь – где мой дом? И чувствуешь порой такое... Словно сейчас тебя сорвет с земли, и ты унесешься, упадешь в это небо и растворишься в сиянии Млечного Пути... Когда ночь безлунная, и огни на берегу приглушены, и музыка доносится едва-едва, и кажется нездешней да и неважной, как все в этом мире...

– А что Сен-Клер?

– Он лежал на песке и смотрел на звезды. Знаете, я перестал внимательно за ним наблюдать: мне показалось это крайне неловким, словно я подглядываю за самым сокровенным в его душе... А он переворачивался порой на живот, и я видел, как плечи его тряслись, – он плакал... Что я мог подумывать еще, кроме того, что он поэт? Что его оставила девушка, в которую он влюблен. Или случилось что-то еще...

– Вас оставляли женщины, господин Вернер?

– Это относится к делу?

– Дело покажет. Прошу вас, продолжайте.

– Что продолжать? Я уже сказал, – мне было неловко, неудобно, стыдно пристально наблюдать за человеком, которого, как я решил, постигло глубоко личное горе... Или то, что в тот момент показалось ему горем. Я отвлекся. На другом конце пляжа объявилась шумная и пьяная компания... Мужчины, девушки... Я увидел, они разделись донага и стали плескаться... Я прошел мимо на катере, на малых оборотах, как бы обозначая свое присутствие, но мешать им не стал.

– Почему? Вы же знаете, есть четкие инструкции, запрещающие нудизм на официальных пляжах Саратоны. Здесь отдыхают довольно консервативные люди.

– Но и вам, господин Данглар, не хуже меня известно, что эти инструкции игнорируются ночью – и самими отдыхающими, и владельцами отелей и бунгало на побережье... Сра-

зу после начала работы, четыре месяца назад, столкнувшись с подобным, я попросил пояснить мне реальное положение дел господина Дэвида Спенсера, вашего сотрудника, курирующего это побережье. Он сказал, что, хотя инструкция и запрещает, мы не имеем права, так или иначе, вмешиваться в частную и тем более в личную жизнь отдыхающих. Иначе юристы и пресса нас с грязью смешают.

– С грязью?

– Дэвид Спенсер выразился именно так, буквально.

– Вы боитесь грязи, господин Вернер?

– Нет. Но и удовольствия в ней не нахожу.

– Извините, что прервал. Продолжайте.

– А продолжать почти нечего. Я прошел на катере до конца пляжа, развернулся и, когда приблизился к месту, где отдыхал на берегу Сен-Клер, его там не увидел. Подрулил к берегу, осветил, увидел оставленную одежду, обеспокоился, развернулся и пошел на катере в океан. Господин Сен-Клер был уже в более чем полутора километрах от берега. Он плыл хорошим, стильным кролем, весьма быстро; я окликнул его, преградил ему путь катером. Сказал:

– Сэр, если вы надумали пересечь Атлантику, то лучше сделать это в другое время.

Он потряхнул головой, посмотрел на меня ясным и чуть беспомощным взглядом:

– Не будет у меня для этого другого времени. Не будет.

Глава 19

Я старался быть учтивым: протянул ему руку, он с готовностью принял, забрался на борт, сказал, улыбаясь, глядя на меня с какой-то беззащитной близорукостью:

– Кто вы?

– Спасатель.

Он улыбнулся совсем по-детски:

– Меня не нужно спасать. Я буду жить вечно. Каплей соленой влаги в этом океане... И – править им: его штормами и его штилями, его лаской и его грозной силой...

Я еще подумал: блаженный. Или юродивый. И точно – поэт. У которого не просто мухи в голове: там целые стаи крылатых тараканов, уже собравшиеся клином и готовые отлететь в теплые края... Сен-Клер был сильным, высоким, атлетически сложенным молодым человеком, но выражение его лица не предвещало никаких опасностей: тихие шизофреники не буйствуют. Насколько возможно стараясь его успокоить, я сказал:

– Будьте добры присесть на скамейку. Править грозами и штормами лучше всего, находясь на твердой земле.

Он, продолжая бессмысленно улыбаться, кивнул, я полубернулся к рулю и почувствовал, как померк мир: он ударил меня в висок, удар был столь силен и скор, что я упал и при падении ударился затылком об угол скамейки для пасса-

жиров. На какое-то время я потерял сознание. А когда пришел в себя, пловца в катере не было. Я доложил по радио обо всем на берег, включил мотор и пошел пропахивать акваторию по квадратам... Пловца не было нигде.

Я домчал до берега, прошел на катере вдоль пляжа – подумал, вдруг он вернулся, – нет, на берегу было пустынно. Вскоре подошли катера полиции и береговой службы. Труп Сен-Клера нашли спустя час в двух с половиной милях от берега. Но об этом я узнал уже от вас, господин Данглар. Кажется, после удара, падения или вообще от всего происшедшего у меня был некоторый шок. Медики обработали мне рану на затылке, дали пару таблеток аспирина и какой-то транквилизатор. Потом я сидел на берегу и дрожал: видимо, сказалось нервное напряжение. Когда появился господин Данглар, была установлена и личность утонувшего. – Фред развел губы в вымученной улыбке. – Бодрости мне это не добавило. Вот теперь – все.

– Боюсь, что нет, – мрачно отозвался Данглар. – Какие-то вопросы, господа и леди? Комментарии?

– «Трусы и рубашка лежат на песке, никто не плывет по опасной реке...» – не сдержался я, процитировал по-русски.

– Извините, вы что-то сказали? – вежливо поинтересовался Данглар.

– Шутка. Фолклор моего детства.

– Вы не утратили склонность к юмору, и это отрандно, – прошипел Данглар совсем не радостным тоном. – А теперь

поговорим по делу. Что мы имеем? Два трупа за одну ночь. Алина Арбаева, дочь российского магната, и Эдгар Сен-Клер, сын швейцарского банкира. По словам господ Дронова и Вернера, ничем пока не подтвержденным, и девушка, и молодой человек незадолго до самоубийства были неадекватны и психически неуравновешенны; и она, и он желали не смерти, а мифической вечной жизни: одна среди звезд, другой – в пучинах океанов... И в том и в другом случае наши славные спасатели, по их же словам, не сумели, не успели – или не пожелали? – предотвратить самоубийства. Пока я доступно излагаю?

Мы согласно кивнули.

– Ну а теперь давайте поразмышляем вместе. Господин Олег Дронов, физически крепкий молодой человек, с отличной реакцией, не сумел спеленать девчонку, находящуюся на грани самоубийства. Это первое. Второе. Господин Фред Вернер не сумел удержать от того же самоубийства Эдгара Сен-Клера, мотивируя это тем, что банкир Сен-Клер, дескать, человек изрядной физической мощи...

– Мне показалось, я достаточно ясно объяснил...

– Прошу меня не перебивать, господин Вернер, или, еще точнее, господин Фридрих Георг фон Вернер унд Лотовски! Мы вас выслушали внимательно, теперь послушайте меня! Все вы! – Данглар сделал глоток остывшего кофе, продолжил: – Кто такой господин Фридрих Георг фон Вернер унд Лотовски? Просто отпрыск обедневшего дворянского рода?

Потомок генерала вермахта и генерала рейхсвера? Нашедший себе в этой жизни занятие сродни спорту – полевая разведка и диверсии! Не нужно делать лицо непроницаемым, господин Вернер! Ваша родная контора в Пуллахе вас не сдала: у нас свои источники информации! И вот – этот человек, обученный не просто бить или отключать одним ударом противника, но – уничтожать любого в рукопашной схватке, получает по голове – от кого? От банкира, «белого воротничка», изучавшего ушу и айкидо в частных школах и не имевшего никакого опыта реальных боевых столкновений! Вы хотите, чтобы я поверил той белиберде, что вы несли?

Фред остался спокойным, на лице его не дрогнул ни один мускул.

– Это все эмоции, господин Данглар. Жизнь сложнее. Естественно, в боевой обстановке у Сен-Клера в поединке со мной не было бы никаких шансов. Я подробно и обстоятельно изложил вам детали моего душевного состояния и отношения к... потерпевшему. Если уж внести полную ясность, он показался мне самым настоящим... поэтом, не способным на такой решительный поступок, как рукопашная схватка. Я ошибся. И готов за эту ошибку отвечать. Но не более.

– А более и не нужно. В вашем прошлом, да и в настоящем, господин Вернер, все укрыто такой грязной коричневой мутой...

– Господин Данглар, я попросил бы вас подбирать слова. Вы обвиняете меня в симпатиях к фашизму?

Барон раздвинул губы в хищном оскале, весьма отдаленно напоминающем улыбку, а в глазах его, кроме привычного льда, теперь тлел и холодный огонь.

– Не стоит придавать моим словам произвольные значения. К тому же я еще не закончил. Вы были уволены со службы, господин Вернер, и никакой политики в этом не было: в одном из баров вы устроили грязную расистскую драку с выходцами с Ближнего Востока; сломанные челюсти, пробитые головы, переломанные ребра – я уже не говорю о мебели...

– Вы трактуете факты слишком вольно, господин Данглар. Это была банда торговцев наркотиками, и то, что такие банды часто организованы по этническому признаку, не моя вина, а беда Запада. Мы слишком с ними церемонимся.

– Ну да: ведь ваша девушка оказалась наркоманкой и, когда забеременела, предпочла не рожать, а затем и вовсе бросила вас, нет?

– Она меня не бросала. Она умерла.

– Это одно и то же.

Вернер побледнел, но сдержался.

– Знаменитая немецкая выдержка. Но тогда вам ее не хватило: раненые, покалеченные... Против вас была развернута кампания в прессе, но вы – исчезли: полиция не нашла обвинения, какое могла бы вам предъявить в первые часы после разгрома – как вы говорите? Притона наркоманов? В документах это было обозначено как кафе. С каким-то цветочным названием.

– «Цветущий миндаль».

– Возможно. А вы, господин Вернер, сочли за благо переждать скандал в частной клинике в Швейцарии. В клинике для... душевнобольных? Извините, ошибся: это просто хорошая неврологическая клиника, в которой людей избавляют от последствий нежданных и весьма сильных стрессов. А знаете, что пришло мне в голову, господин Вернер? А что, если вы не избавились от этих последствий? И что, если, руководствуясь не знаю уж чем, больным вашим воображением или чем иным, вы просто-напросто утопили бедного Сен-Клера?! Если семь месяцев назад у вас достало сил и гнева разметать и размазать по стенам банду наркоторговцев, чем объяснить, что банкир Эдгар Сен-Клер, по вашим словам, с одного удара отправил вас в беспамятство?! Или – это вы отправили его в небытие?

Глава 20

А я слушал все это, смотрел на Данглара и думал себе: а зачем все-таки господин барон затеял эту «сагу для идиотов с оркестром»? Хотя – тоже понятно. Какой бы идиотской ситуация ни выглядела, манипуляторы нестойкими душами, как правило, достигают своей цели: люди начинают сомневаться, тревожиться, бояться, становятся пугливыми, подозрительными и жестокосердными одновременно, превращаясь из разумно мыслящих существ в толпу. Лишить людей собственного мнения, сбить в толпу, пусть даже расфасованную перед ящиками телеприемников в собственных квартирах и особняках или зависших в Паутине, – вот цель и задача любой власти: толпа послушна и управляема, ей нужно только время от времени напоминать имя виновников всех бед и вливать свежую кровь – взрывами террористов, «справедливым возмездием»... Любая власть стоит на крови и без крови ей не обойтись. И то, что является законом для одних, другими воспринимается беззаконием, и ничего тут не поделаешь и не переделаешь. Таков мир.

– Вы хотите предъявить мне обвинение, господин Данглар? – севшим от сдерживаемой ярости голосом спросил Фред.

– Я предпочту пока этого не делать.

– Тогда зачем вы устраиваете этот балаган? – не сдерживаясь,

лась Бетти.

– А до вас, госпожа Кински, очередь еще дойдет.

Диего улыбнулся, опустив уголки рта:

– Господин префект, я очень бы попросил вас быть вежливым с госпожой Кински. Она очаровательное дитя, и видит бог, все мы ее очень любим. Нам было бы крайне неприятно, если бы вы вновь перешли границы светских приличий и унизились до грубости. Грубость, высокомерие, чванство – удел хамов и сволочи, волею судеб вознесенных на эфемерные вершины... Но вы-то, барон, должны понимать всю ответственность вашего положения... и всю иллюзорность иных вершин.

Похоже, от столь изысканного выговора барон смешался и даже слегка порозовел. Тем не менее он встал, поклонился Элизабет и церемонно произнес:

– Прошу простить меня, госпожа Кински, в запале я был не вполне вежлив.

И тут – взорвалась Бетти:

– Какая к лешему вежливость, Данглар! И прекратите палясничать, и вы, и ты, Диего. Я понимаю, что ты руководишься самыми благородными помыслами, но поверь, я совсем взрослая девочка и сумею себя защитить.

– А вот это верно. Госпожа Кински владеет кроме английского немецким, испанским, итальянским и русским языками, отменно стреляет из пистолета, мастерски отрабатывала на полигонах кратковременные огневые контакты, хотя в

реальных переделках, в отличие от господина Вернера, ей побывать не довелось... Что еще? Творчески использовала шокеры, шнуры, заколки-стилеты и иные бабск... извините, дамские штучки. Участвовала в неких совместных проектах МИ-6 и ребят из Лэнгли, а потом вдруг, ни с того ни с сего, попала в немилость, ушла в депрессию и была уволена вчистую, даром что под суд не угодила... И с чего, спросите вы? Влюбилась скромная девушка в чернокудрого красавца, а чернокудрый красавец оказался кадровым офицером Моссад, и качал через милую подружку информацию, и вербанул кого-то еще из женского состава упомянутого ведомства Соединенного Королевства, чего девушка не перенесла и чуть не лишила жизни и возлюбленного, и его новую пассию, и самоё себя... Мутная история, а, госпожа Кински?

Элизабет промолчала, подняла на Данглара потемневший взгляд:

– Вы закончили?

– С вами? Пока да, – отрезал Данглар, развернулся всем корпусом к Гонзалесу: – Но не с вами, господин Гонзалес. Или как на самом деле? Диего Карлос Антонио де Аликанте?

Ваша история проста как мир. «Жил на свете рыцарь бедный...» Молодой человек комплексовал. Молодой человек мечтал о славе. Рассорился со всеми, сменил имя, вопреки воле родных, стал военным, но... Военная карьера не задалась. Он успел повоевать почти на всех материках и во всех войнах. Итог? Четыре ранения, контузия, близкая старость,

одинокчество, навык пить ром и виски не разбавляя... Что и кому вы хотели доказать, Диего? Что вы скиталец? Конкистадор? Кортес? Что вы делаете здесь, потомственный испанский гранд? Кого и от чего вы можете спасти? Ведь вы умеете только разрушать!

Барон Данглар сокрушенно покачал головой. Чувствую, меня он оставил на десерт. Бесчестный и коварный русский, служитель «империи зла»... А что поделать? А ничего. Клише, какие втюхивали в голову западного обывателя более полувека, так и останутся в тех, кто их принял за чистую монету. А если уж говорить правду... Мы и к себе-то злы, так кто к нам будет добр? Бессмысленно жить мы не хотим, а осмысленно – не умеем.

А Данглар вдруг улыбнулся смущенно, спросил:

– Пожалуй, я выпью еще кофе. И приготовлю сам. Кому-то еще?

– Мне, – отозвался я.

И барон занялся приготовлением изысканного напитка при полном молчании присутствующих. А что было говорить? Нечего. Перебрасываться шутками – глупо и неуместно. Говорить о том, что все между нами осталось по-прежнему, – тоже. Барон свое дело знал: посеешь недоверие – пожнешь вражду.

А сейчас он просто давал возможность всем «потереть нервы». Ощутить свою уязвимость и убогость, свою потерянность и свою тревогу... А тревожиться было от чего. Ладно

я – человек отягченный, привыкший на просторах отечества к тому, что кто силен, тот и прав: так было раньше, так сейчас. На Западе то же, но облечено в стойкие рамки законов и установлений, в малопонятные юридические формулировки и уходящие в глубь столетий письма хартий и постулатов, призванных охранять власть тех, чьи предки некогда были сильными и дерзкими, чтобы ее завоевать. И Диего, и Фред, и Бетти – люди Запада, пусть и потравленные войной, но...

– Итак, – барон поставил передо мной чашку свежесваренного кофе, – Олег Дронов. Вы для меня, да и для всех присутствующих, самый любопытный персонаж.

– Персонажи бывают в мистериях. А я просто человек.

– Угу. Вот только слово «просто» к вам не очень подходит. О вас справки было навести труднее всего: «железный занавес».

– Он давно проржавел. С обеих сторон.

– И тем не менее. Что касается вас, господин Дронов, мы можем только предполагать. И что мы предполагаем? Вы человек интеллекта.

– А в душе вы мне отказываете?

– Одно другому не мешает.

– Когда как.

Глава 21

Барон на секунду задумался, кивнул какой-то посетившей его мысли и продолжил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.